

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВИТАЛИЙ РОМАНОВ

РЫЦАРИ ПОДЗЕМНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ

Виталий Романов

**Рыцари подземных
магистралей**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159279

Рыцари подземных магистралей: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-18843-6

Аннотация

В питерском метро загадочно погибают люди, причем свидетели несчастных случаев утверждают, что незадолго до этого видели в тоннелях средневековых рыцарей... Подземная река из воды и песка, замороженная под городом еще в семидесятые годы, вновь пришла в движение, угрожая затопить целую линию метрополитена... Как связаны эти зловещие события?

Журналистка Оксана Лаптева, рассчитывая написать сенсационную статью, в сопровождении опытных диггеров Киловольта и Ружа спускается в лабиринты питерских подземелий. Она еще не знает, что совсем скоро им придется отстаивать свои жизни в схватке с коварным и безжалостным чудовищем, обитающим во тьме катакомб, – Метрополитеном...

Виталий Романов

Рыцари подземных магистралей

Роман для тех, кому двадцать. В душе.

Рабочая смена подходила к концу. Анатолий Самойлов быстро глянул на часы. Улыбнулся. «Последняя на этой неделе, – подумалось ему. – А там еще денег – и зарплата!» – Давай! – поторопил Анатолий. – Чего мечтаешь?

Его «хапуга» прекратила движение вперед. Широкие «лапы» для захвата кусков грунта беспомощно вращались вхолостую. Позади породопогрузочной машины не было вагонетки. А народ будто уснул...

– Ну?! – нетерпеливо крикнул оператор. – Что там у вас? Вагонетку не подавали. Анатолий в сердцах вырубил «хапугу». Соскочил на неровный пол, чуть не подвернув ногу. Чертыхнувшись, двинулся назад, готовясь выматерить нерасторопных сотоварищей.

Все из-за Гошки! От, блин! Парень по фамилии Антонович второй месяц работает на проходке путевых тоннелей, а до сих пор принародиться не может! Вечно у него какие-то проблемы возникают... Надо будет ставить вопрос перед мастером. Либо пусть делают внушение юнцу, учат работать как надо, либо пусть срочно ищут замену. Из-за таких вот

тормозов премии не будет!

И вдруг Анатолий услышал крики. Что у них там?!
Неужто что-то серьезное?

Самойлов бросился в ту сторону, откуда доносились голоса...

— Тыфу ты! Мать вашу... — в сердцах выругался рабочий, оценив ситуацию.

Забур. С рельсов сошла вагонетка с породой, в аккурат на разминовке. Там, где два поезда — порожний и груженый — должны были разъезжаться на однопутной колее.

— Блин! Гоша! — рявкнул Самойлов. — Опять кемарил на ходу? Где ты был?! Чья работа — следить за порядком на разъезде?

— А почему все время я, Анатолий Борисович?! — обиженно воскликнул молодой рабочий. — «Орел» пошел! Наклон же тут! Оторвало вагонетки от электровоза, еле успел их на двухпутке затормозить. Разнесло бы все на хрен, если б дальше, к вам... «Хапуге» досталось. А так — с рельсов сошли, и все тут! И сразу я виноват...

— Прости, Борисыч! — развел руками Сергей Мироненко, машинист «проблемного» состава. — Вроде все как положено закреплено было. Я ж проверял. И вот те на! Оторвало. А Гошка — молодец.

Парень чуть ли не всхлипнул, исподлобья глянул на Анатолия Борисовича.

— Ладно-ладно! — примирительно хлопнул его по плечу

Самойлов. – Ты молодец! Правильно сделал. Если на наклонной дороге вагонетки от локомотива отрывает – много бед может выйти. Все на пути разносит. Бывает, ноги-руки поломает, технику угробит. Давай сейчас поправим это дело. И – забыли! Где у нас «отец-наставник»?

Гошка метнулся к стене, схватил деревянный брус. Втройм они подпихнули рычаг под колесную пару, слетевшую на стрелке. По команде Анатолия приподняли вагонетку, поставили на рельсы.

– Порядок! – оглядев цепочку маленьких вагончиков, удовлетворенно заявил Самойлов. Подмигнул товарищам: – Да-вай, Серый. Цепляй! И – пулей... Время уходит, мы тормозим.

– Ага! – Машинист бросился к небольшому электровозу, стоявшему чуть выше на путях.

Через минуту состав сошел с разъезда, медленно пополз по тоннелю. Самойлов проводил его взглядом.

– Давай, Гошка! Время не ждет! – поторопил он. – Мастер с нас три шкуры сдерет, если не выполним норматив. Всех без квартальной премии оставим.

– Ага! – шмыгнув носом, молодой рабочий бросился к разминовке.

На втором пути ждали пустые вагонетки.

Анатолий Самойлов быстро подошел к «хапуге». Заурчал двигатель. Машина дернулась, поползла вперед. Вздрогнула, уткнувшись носом в куски породы. Оператор на миг обер-

нился, поглядел себе за спину: первая вагонетка была на по-даче. Спереди донесся грохот отбойных молотков. Проходчики, сделав короткую паузу, двинулись по тоннелю.

Породопогрузочная машина сильно качнулась, словно кто-то боднул ее сзади. Или сбоку? Самойлов недоуменно осмотрелся. Ничего... Ни-че-го! Может, с другой стороны? Он прищурился, рассматривая тоннель. И тут сердце оператора погрузчика будто сжало ледяными ладонями. Сверху! Сверху, мать ее!

Почти над самой его головой ширилась и росла трещина. Секунду назад она была совсем крохотной, и сочившаяся из нее струйка воды могла напугать только малого ребенка. Но Анатолий Борисович, много лет проработавший на проходке тоннелей, отлично знал: где маленькая трещина, там запросто может появиться и большая. Тем более в таком проблемном месте, как подземка Санкт-Петербурга.

Питер стоит на болотах. Под ними – мощный пласт древних глин. Сотни миллионов лет назад здесь бушевала водная стихия, теперь город расположен на донных отложениях древнего моря. Сине-зеленые глины – очень неплохая среда для прокладки тоннелей метро. Беда лишь в том, что под Питером эти пласти то и дело прерываются, в них много «вкраложений»: водонасыщенные пески, водяные «линзы», мягкие глины, размывы с плывунами. Последние – страшнее всего: как ткнешь в плохое место, начинают вести себя подобно тягучим вязким жидкостям. Приходят в движение,

оплывают...

Трещина увеличивалась на глазах. Если поначалу она напоминала ниточку, была совсем короткой, то теперь стала толщиной с мизинец, и длина ее значительно выросла. Анатолий Борисович отлично помнил трагическую историю семидесятых годов прошлого века. Мысли вихрем, в считаные секунды, пронеслись в голове: «Откуда плывун? Неужели, как тогда?! Люди!!!»

– Игнат! Сашка! – остановив «хапугу», что есть мочи заорал Самойлов.

Рабочие, занимавшиеся проходкой тоннеля, еще не подозревали, что за спиной у них смерть.

– Игнат! Сашка! – Анатолий спрыгнул на пол. – Назад! Назад!

Вода хлынула с потолка. И не вода – смесь жидкости с мелким песком. На зубах заскрипело. Самойлов мотнул головой, сплюнул. Вспомнилось: «Давление в линзе может достигать девяти атмосфер. Врывааясь в забой, плывун с быстротой абразивного круга режет сталь. Любую».

Что уж говорить о человеческом теле?!

– Игнат! Сашка! – Самойлов все не уходил, не мог бросить товарищей, оставшихся за стеной воды и песка.

Позади, в пройденной зоне тоннеля, послышались чьи-то крики. Потом завыла сирена. Анатолий Борисович развернулся, бросился прочь от настигавшего плывуна. Но было поздно. Он промедлил, потерял время. Вязкая масса прибы-

вала слишком быстро. Заплела ноги, толкнула в спину. Рабочий сумел удержаться на ногах, ухватившись за «соплю» — обесточенный кабель, свисавший с потолка. Самойлов выдернул ногу из «болота». Сапог остался внизу, но это уже не имело никакого значения. Шаг! И нога снова «ухнула» в клейкое месиво. А вторую не выдернуть! Нет, не выдернуть... Самойлов дернулся раз, другой...

— На помощь! — в ужасе закричал Анатолий.

Тоннель быстро заполнялся водой, мягкой глиной, илом. Самойлов еще раз дернулся, попытался вытянуть из трясины ноги. Рванулся изо всех сил — так, что хрустнуло в груди. Бесполезно. «Неужели все? Конец?!» Мозг не хотел, не мог смириться с этим.

Анатолий забился в мягких, податливых оковах. Пальцы скользнули по стенам, пытаясь вцепиться в любую, самую малую трещинку. Продвинуть себя вперед. На сантиметр. На миллиметр...

Из-за спины вдруг послышался топот копыт. Анатолий Самойлов обернулся. Его глаза расширились от удивления и ужаса. Несчастный подумал, что сходит с ума. По странной реке, от дальнего конца забоя, к нему галопом неслись всадники на лошадях. Рыцари. Их латы сверкали, отражали свет прожекторов «хапуги», умиравшей под тоннами песка.

— На помощь! — Самойлов протянул к ним кровоточащую руку с содранными ногтями.

Больше надеяться было не на что. Но рыцари в блестя-

щих латах пронеслись мимо. Они мчались туда, где спасались бегством чудом уцелевшие люди. И это было последнее, что увидел Анатолий Борисович Самойлов. Поток глины и песка накрыл его с головой. Человек еще некоторое время метался в трясине, надеясь вырвать ноги, добраться до поверхности, глотнуть воздуха. Но силы его были не беспрепядельны...

Оксана Лаптева наморщила лоб, погрызла ручку и тяжело вздохнула, словно все эти «ритуальные» манипуляции могли ей помочь. Но, увы, умных мыслей в голове не прибавилось. Девушка посидела еще немного, надеясь на озарение, на чудо. Будущая журналистка упорно не хотела сдаваться. Но все-таки пришлось открыть текстовый файл на компьютере, забить в него то немногое, что удалось насочинять за два часа, и отправить документ на печать.

А потом, скрестив пальцы и помолившись, топать в кабинет Дмитрия Болотько. Хотя нет! Это для многих он – Дмитрий. А для нее, студентки последнего курса, пока – Дмитрий Владимирович Болотько. Чуть располневший с годами. Со смешными, вечно всклокоченными волосами. С привычкой щипать себя за кончик носа...

Дмитрий Владимирович Болотько. Главный редактор популярного журнала «Тайны Петербурга». И неизвестно, станет ли он когда-нибудь для нее Димой. Сейчас прочтет, что Оксана наваяла за два часа, и укажет на дверь. Прощай, преддипломная практика в хорошем месте...

– Ну... слабовато... красавица моя, – огорченно произнес Дмитрий Владимирович, прочитав план будущей статьи. План, над которым голубоглазая русоволосая студентка честно и безостановочно «умирала» два часа. Болотко посмотрел на девушку. Та сжалась в комок, уперлась взглядом в стол. Казалось, она вот-вот разрыдастся или упадет в обморок.

– Да не переживай, – улыбнулся Дмитрий Владимирович. – Все путем! Хочешь – верь, хочешь – нет, все начинают примерно одинаково. С того, что не могут выдавить из себя ни строчки. Я тоже через это прошел.

Оксана шмыгнула носом, недоверчиво посмотрела на строгого босса, который запросто мог наорать на нерадивого сотрудника. Ходили слухи, «Владимирыч» даже умел топать ногами. А как-то раз запустил в одного тормоза пепельницей. Но тот парень – действительно олух царя небесного – сам был виноват. Однако это мало что меняло. Получить «покаске» пепельницей или даже степлером Ксанке совсем не хотелось.

Меж тем строгий «Владимирыч» улыбался... И это было абсолютно непривычно.

– Не обращай внимания, – подмигнул он. – Я просто вспомнил, как писал курсовик про ленинградское метро. Представь, лет двадцать назад мне дали ту же тему, что и я тебе сейчас подсунул. Тогда смешно было. Тема-то широкая! Казалось – простая. Сел, значит, за стол: такой умный,

наученный за пять лет института всему, чему только можно. Сел – и не смог выжать из себя ни слова! Все уже сказано до меня! Это была катастрофа.

Оксана забыла про страхи. Выпрямилась в кресле, от удивления приоткрыла рот. Неужели опытный и талантливый Болотько начинал, как она?! Болотько, который мог из любой малости «расписать» статью нужного объема? Да еще такую, что не оторвешься, пока не дочитаешь?

– Все это – дело опыта, – продолжал шеф. – Желание работать – вот главное оружие! Со временем приходит уменье. Ты набиваешь руку, начинаешь понимать, как подать любую мелочь, сделать из нее конфетку. Впрочем, не будем тратить время на теорию. Вот смотри. Твоя задача: написать интересную статью о жизни питерской подземки. Такую, чтобы читатель открыл для себя новое, неожиданное. Увидел привычную вещь как бы с другой стороны. Что ты предлагаешь?

Редактор взял листочек, распечатанный на принтере. Оксана вновь сжалась.

– Аварии на питерском метрополитене – тема трудная и больная. Во-первых, это затрагивает интересы огромного количества жителей Санкт-Петербурга. Во-вторых, это трагедия. Потому что устранение последствий – это героизм. А где героизм, там, увы, часто и смерть. Мы даже не можем точно сказать – сколько людей погибло при строительстве метро в Питере.

В общем, данная тема хорошо вписывается в формат на-

шего журнала. Особенно если ты сумеешь рассказать об этом от лица *другого поколения*. Того поколения, что пришло позже и не застало всех событий прошлого века. Расскажи об этом не так, как было сделано до тебя. Расскажи о трагедии *своему поколению* питерцев. Своим языком, со своими акцентами. Но учти: эта тема не может идти чем-то вроде главной сюжетной линии, понимаешь? Об авариях в ленинградском и питерском метро много раз писали, да и телевидение не обходит вниманием данный вопрос.

Оксана, дорогая, попробуй взглянуть на тему шире! Вот, скажи мне: что для тебя метро?

– Для меня? – удивилась девушка. Она помедлила, на лице ее отразилась целая гамма чувств. – Ну, транспорт... Средство передвижения.

– Нет, – Болотко улыбнулся одними уголками губ. Так, как умел только он. – Нет, это не просто транспорт. Открой глаза, Ксан! Они у тебя не только красивые, но еще и зоркие. Метро – это целый мир. Понимаешь? Ты спускаешься под землю на эскалаторе и с этого момента попадаешь в другую жизнь. Мы, питерцы, давно привыкли к подземке. Она въелась нам в подкорку. Но посмотри на любого из приезжих: как они впервые ступают с эскалатора на мрамор андерграунда? Видела? Одни – с детским восторгом в глазах. Другие – со страхом. Своды над головой давят, прессуют твое «я». Мы же не чувствуем ни страха, ни восторга. Мы привыкли к подземке. Мы – часть ее, как она – часть нас. Сим-

биоз. Чем-то напоминает «Матрицу», не правда ли? Но мы ничего не чувствуем. Для нас – это транспорт. А вот когда поедешь сегодня домой, попробуй войти в метро так, словно делаешь это впервые в жизни. Удивись сказке. Представь, сколько людей работают сейчас под землей, чтобы эта сказка существовала. Сколько нас, питерцев, в данный момент там, внизу...

И пусть история о том, как создавалось петербургское метро, станет канвой твоей статьи. Напиши обо всем. Не статистику – сколько в день перевозится пассажиров, – это мало кому интересно. Истории из жизни. Точнее, пусть будет сама жизнь. Скажем, я слышал, был человек, который родился в метро. Так уж случилось. Видимо, его мама не успела добраться до роддома. Роды у нее принимали прямо внизу, под землей.

Умер этот мужчина тоже в метро. Я смотрел телевизионный сюжет. Рассказывал о жизни этого уникального человека его сын. Так вот, парень утверждал, что вся жизнь отца была мистическим образом связана с метро. Он родился под землей, и между ним и подземкой всю жизнь существовала как бы некая невидимая связь. Умер он тоже на станции: если не ошибаюсь, упал с перехода вниз, на платформу. Но тут я могу соврать. Не помню до конца сюжет. Да, кстати!

Болотко прищелкнул пальцами, вместе с креслом повернулся к компьютеру.

– Чего я тут придумываю? Сейчас мы эту историю в Ин-

тернете найдем! Не может быть, чтоб на нее не оказалось ни одной ссылки. Иди сюда, Ксан! Садись рядом. Открываем поисковик. Вводим для начала простой запрос: «родился в метро»...

Болотко запустил поиск, и машина, ни секунды не медля, выдала целую кучу ссылок в ответ. Главный редактор побежал по строчкам глазами.

— Есть! — он ткнул курсором в одну из ссылок. И прочитал вслух: — Сквозь весь фильм красной нитью проходит история некоего Кости, чей отец родился в метро и там же умер. Отец Кости всю жизнь мечтал стать машинистом, но его не приняли по состоянию здоровья. Заснул на балконе станции «Комсомольская»-радиальная и упал вниз головой на гранитную платформу. Ага, «Комсомольская»-радиальная, значит — в столице.

Кстати, обрати внимание! По соседству другая ссылка. Тоже любопытная заметка. «31-летняя жительница Ярославской области, приехавшая в Москву, родила прямо в метро. Схватки у нее начались в вестибюле станции „Фили“. Прибывшие врачи „Скорой помощи“ приняли роды у женщины прямо на месте. Вход на станцию был закрыт в течение сорока минут». Пожалуйста — еще один человек, который в метро появился на свет. Представляешь? Вот я говорю: «Появился на свет в метро». Под землей то есть. А там и света обычного — солнечного — нет. Только электрический! Видишь, какие истории из сегодняшнего дня? Правда, оба случая — в

Москве. Но и у нас всякое бывает, я уверен. Надо только поискать!

А мифы о том, что заснувших в метро пассажиров отправляют на каторжные работы, и люди уже никогда не возвращаются из-под земли? Или о призраках погибших метростроевцев, витающих под куполами станций? Ну это ладно. Старые байки. Подобные легенды есть у представителей любой профессии.

Но само метро... Ксан, это жизнь, понимаешь? Поедешь домой – глянь вокруг себя. Люди не просто едут на работу или с работы. Они читают и разговаривают, улыбаются и грустят. Знакомятся. Обручаются. Бывает, кого-то метро связывает до конца дней. Бывает, кто-то умирает в метро, немного недотянув до того, чтобы выйти наверх и увидеть чистое небо. Это – тоже жизнь.

– Боже мой! – пробормотала Оксана, с испугом и восторгом поглядев на главного редактора. – Дмитрий Владимиевич... Да вам же и план не надо придумывать! Вы прямо сейчас могли бы сделать эту работу. Зачем я? Я так никогда не смогу...

– Сможешь! – жестко ответил Болотько.

Он сцепил пальцы в замок, чуть наклонился вперед. Оксана поняла: вот такой шеф способен бросить в сотрудника пепельницей.

– Ты все сможешь! Но для этого надо иметь желание. И еще: нужно верить в собственные силы. Проблема не в

том, кто из сотрудников журнала может быстрее сделать работу, которую поручили тебе. Проблема в том, что работу должна сделать ты!

– Я поняла! – прошептала девушка. – Можно идти? Мне думать над планом еще?

– Давай так. – Болотько сделал пометку в еженедельнике. – Даю тебе неделю. В эти дни на работу можешь не приходить. В смысле, если будет нужно – приходи! Если принтер понадобится какие-то документы распечатать. Или Интернет, какую-то справочную информацию поискать. За советом приходи. Ко мне. В общем, работай. Хочешь – дома. Хочешь – выйди на станцию метро, сядь там и разглядывай людей. Слейся с ними. Посмотри на мир их глазами. Расскажи мне их истории. Удиви чем-то новым. Вылези из кожи, но удиви!

«Да разве вас удивишь, – хотела ответить Оксана. – Вы еще двадцать лет назад о метро писать начали...» Но девушка сама понимала, что такой ответ главного редактора не устроит.

– Ага. – Оксана прижала к груди свой глупый, наивный план, над которым мучилась столько времени.

– Кстати, вот хорошая идея, – прищелкнул пальцами Болотько. – Петербургские диггеры! Они знают подземный мир лучше всех. Разумеется, не ту часть, которая связана с метро. Но питерский андеграунд – это не только четыре с половиной линии для перевозки пассажиров. Это огромная сеть,

там много всего. Попробуй связаться с диггерами. Они журналистов не жалуют, но ты поищи к ним подходы.

Болотко улыбнулся, оглядел студентку так, будто видел ее в первый раз.

— Молодая, симпатичная, — заявил босс. — Пококетничай с парнями. Сможешь войти в доверие, они такого нарасскажут... Твой материал еще и другие издательские дома покупать будут! И я, читая, удивлюсь. Ведь двадцать лет назад, когда писал реферат, я и помыслить не мог об интервью с диггерами. Значит, все! Будут вопросы — заходи, не стесняйся. А теперь — работать. Топай, чудо ясноглазое!

...Впервые Оксана ехала домой на метро вот *так*. Может, когда-то очень давно, в детстве — в том возрасте, что остается за чертой сознания — она тоже смотрела вокруг себя, широко открыв глаза. Возможно. Но воспоминания об этом давно утонули в ворохе прожитого, накопленного после. А сейчас...

Казалось, будто волшебник взмахнул палочкой, чуть приоткрыв занавес над таинственным и загадочным миром. Чужим и незнакомым миром, в котором жили миллионы тайн. В котором ее ждали приключения и опасности.

И пара, целовавшаяся на эскалаторе, была не просто парой влюбленных. Оксана будто увидела два потока людей, две огромные реки, текущие навстречу друг другу. А потом из толпы вынырнула его рука, безошибочно найдя руку возлюбленной. И две реки понеслись мимо, перестали существовать... Разве не чудо?

А на перегоне от «Петроградской» до «Технологического института» парень смотрел на девушку, что волей случая оказалась напротив него, *такими* глазами!.. «Ну подойди же к ней, дурак!» – беззвучно шептали губы Оксаны Лаптевой. Ей как женщине было отлично видно, что девчонка сама была бы рада познакомиться со случайным попутчиком. Да смелости не хватало. Ни одному, ни другой...

И когда, решившись, парень вышел вслед за «мимолетным виденьем» на «Техноложке» и тихонько дотронулся до руки незнакомки, Оксана шагнула к двери. Поезд тронулся дальше, в сторону «Фрунзенской», но она изо всех сил прижалась к стеклу, скосила глаза. Заметила, как улыбнулась девчонка, протянула руку парню. Молодая журналистка, ненароком подсмотревшая чью-то историю, счастливо за-смеялась, удивив попутчиков.

Какой будет сказка этих ребят, случайно оказавшихся друг напротив друга в вагоне? Хорошей? Грустной? Длинной? Быстротечной? Оксана об этом никогда не узнает. Поезд унес ее прочь. Реалии огромного города таковы, что она не увидит больше ни парня, ни девчонки. Но метро! Метро! Вот кто видит и знает все! Оно познакомило двух молодых людей. И, возможно, на всю оставшуюся жизнь... Случайность? Или нечто, предопределенное свыше? Кто-нибудь представлял себе метро в виде амура со стрелой?..

«Расскажешь мне эту историю до конца, да?» – прошептала Оксана. То ли вагону, который нес ее дальше, то ли тем-

ному тоннелю, что должен был вывести ее на свет...

– Внимание, на «Фрунзенской» срочно нужен врач, – до- неслось из динамика.

К пассажирам обращался машинист.

– Если в поезде есть врач, пожалуйста, выйдите на «Фрун- зенской», – добавил машинист. – Первая платформа. Чело- веку плохо.

И молодая женщина, сидевшая в центре вагона и держав- шая на руках девочку, тут же поднялась с места. Стала про- бираться к выходу.

– Мама, а как же театр? – огорченно спросила малышка.

Оксана хорошо расслышала эти слова. Золотоволосая де- вочка произнесла их как раз в тот момент, когда женщина пробиралась мимо журналистки.

– Успеем, Настюш! – ответила та и поцеловала чуть не плачущую от обиды дочь. – Надо выйти здесь...

У Оксаны заколотилось сердце, невольно подступил ком к горлу. Скорее всего, мама с дочерью ехали до «Московских ворот», в «Детский театр сказки». Но не доехали всего одной остановки. Мама-врач, верная клятве Гиппократа, просто не могла не откликнуться на призыв больного, в чем-то посту- пившись интересами собственного ребенка. Оксана, которая отлично знала – далеко не все ныне готовы к такому подвигу (а это действительно маленький подвиг, бескорыстное само- пожертвование), вдруг неожиданно для самой себя шагнула вслед за молодой мамой. Коснулась ее плеча.

– Извините, – тихо сказала журналистка. – Я не врач. Но выйду с вами. Просто поддержу за руку девочку, чтоб не потерялась. Пока вы... там...

Женщина благодарно улыбнулась незнакомой голубоглазой девушке и кивнула в ответ.

– Здравствуй! – Оксана протянула узкую ладошку пятилетней малышке. – Меня зовут Ксюша. А тебя – Настюша, да?

Поезд оставил их на «Фрунзенской», закрыл двери и унесся прочь. Красные огни растаяли в тоннеле. Пожилая женщина, которая нуждалась в помощи, лежала на скамейке. Кажется, подвело сердце, уставшее от груза прожитых лет. Ей помогли пассажиры метро, вот так же случайно оказавшиеся рядом. Вывели под руки из вагона, обратились за помощью. Оксана крепко ухватила Настюшу за руку, дабы та в суматохе никому не попала под ноги. Дабы не произошло непоправимого, когда вихрь от прибежавшего к платформе поезда ударил в лицо.

Все обошлось. Через пять минут по эскалатору на перрон спустились врачи «Скорой помощи» в синей форме. С носилками. Вынесли больную наверх, в город. Оксана подумала, что о ее судьбе тоже никогда не узнает...

К платформе подкатил следующий поезд. Мелькнуло за закрывшимися дверями довольное лицо Насти. Она энергично махала маленькой ладошкой «тете Оксане». Улыбнулась на прощанье мама девочки. Поезд тронулся с места,

перед глазами Оксаны промелькнула вереница освещенных окон.

– О судьбе этих двоих я тоже никогда не узнаю, – огорченно произнесла журналистка, оставшаяся на платформе.

«Метро – непрерывная цепь встреч и расставаний. Только-только пересечешься с кем-то взглядом, только-только встретишь кого-то на перекрестке судеб, и вот уже поезда уносят людей в разные стороны...»

Она не смогла сразу взять и уехать. В тоннеле исчез поезд, в котором маленькая Настя торопилась на спектакль, в театр. «Конечно, она успеет, – подумалось Оксане. – Какой вырастет эта девочка? Девочка, у которой мама готова по первому зову броситься на помощь? Отбросив свое, личное. Забыв про все ради того, чтобы помочь человеку, попавшему в беду...»

– Храни вас господь, – прошептала Оксана Лаптева.

Она никогда не была набожной. Просто нужно было сказать что-то хорошее и важное вслед *таким* людям.

Платформа была пуста, и в непривычной тишине тонкие каблучки девушки звонко стучали по перрону. Журналистка медленно шла назад, к концу платформы. На «Московской» выход в город расположен так, что ей удобнее было ехать в последнем вагоне. Огромная синяя «гусеница» зашумела в трубе, ослепила огнями прожекторов, подлетела к станции. Остановилась, распахнула двери, приглашая студентку внутрь.

– Ты расскажешь мне их историю, да? – спросила у поезда Оксана. – Это очень важно...

Поезд закрыл двери, «проглотил» девушку, а спустя десяток секунд черная тьма тоннеля окутала пассажирский состав... Оксана смотрела на окружающий мир совсем по-другому, вокруг нее шла жизнь – удивительная, загадочная. Нет! Это не просто транспорт, нет!

Придя домой, Оксана швырнула сумку на пол в коридоре. Скинула туфли и, как была, в верхней одежде, устремилась к компьютеру. Первые строки напечатались сами собой, будто им не терпелось, будто они давно уже рвались наружу. Словно и не было тех часов мучений, когда Оксана не могла выдавить из себя ни слова...

«Для большинства из нас метро – всего лишь один из видов транспорта. Конечно, чуть посложнее, чем автобус или трамвай, но это почти ничего не меняет. Мы ездим на нем по своим делам каждый день. Бывает, назначаем там друг другу свидания. Бывает, просто забегаем погреться и случайно встречаем старых друзей. Улыбаемся, обнимаемся, снова расстаемся. Бежим по эскалаторам, чтобы не опоздать. Переходим с линии на линию. Выбираем на перроне лучшее место – поближе к тому, где окажется дверь нужного вагона. Поскорее внутрь, занять сиденье! Или уголок, где не оттопчут ноги. Бывает, случайно пересекаемся с кем-то взгляда-ми, но тут же – еще не познакомившись – расстаемся. Поезда уносят нас в разные стороны.

На самом деле метро – это огромный подземный мир. В нем свои законы. Не всегда они прописаны на бумаге. Метро состоит из целого лабиринта тоннелей, коридоров, шахт разного назначения. Кроме того, в нем есть и недостроенные станции, и подземные укрытия, и система жизнеобеспечения на случай войны. Все это связано в единую сеть, и она гораздо шире тех нескольких линий, которыми мы пользуемся ежедневно.

Это мир, полный вопросов, загадок, мифов. И мы вместе с вами, уважаемые читатели, попробуем не только вспомнить трагическую и героическую историю питерской подземки, но и приоткрыть завесу над некоторыми из ее тайн».

Оксана сохранила файл, радостно прищелкнула пальцами. «Ошибки и повторы исправим потом. Стиль – тоже подредактируем. Главное – начало положено...» Вспомнив о том, что надо скинуть плащ, побежала в коридор. И только там, возле вешалки, замерла, упервшись ладонью в стену.

– Господи! Ну где же мне найти этих... диггеров?.. – пропломбировала девушка.

Игорь Антонович, которого рабочие смены звали просто Гоша, стоял возле бетонного затвора и плакал. Он ничуть не стеснялся слез. Было просто не до мыслей о том, уместно или неуместно сейчас проявлять слабость. Парень стоял возле тяжеленной бетонной плиты, отделившей его от товарищей, оставшихся в зоне размыва, и слезы ручьем бежали из его глаз.

Чуть в стороне, неподалеку от Гоши, упервшись спиной в стену, дымил сигаретой Сергей Мироненко. Никто не делал ему замечаний за нарушение режима пожарной безопасности.

Еще недавно он, машинист электровоза, вместе с Гошей да «Борисычем» – Анатолием Самойловым – ставил вагонетку на рельсы. Там. За огромным бетонным затвором. Разделившим людей на две половины. На тех, кому жить дальше и нести на плечах груз памяти, и тех, кого уже не волнуют никакие мирские проблемы.

– Сколько людей осталось в зоне проходки? – резко спросил Василий Михайлов, заместитель начальника строительства.

Он обращался к мастеру смены, Прохору Савельеву. Тот переминался с ноги на ногу возле затвора, все еще не до конца осознавая, что произошло. Казалось, плита вот-вот дрогнет, сдвинется с места и пленники выйдут из опасной зоны.

– Трое, – негромко ответил мастер. – Два проходчика: Игнат Панкратов, Александр Рыдчий. И оператор породопогрузочной машины Анатолий Самойлов.

– Черт! – ругнулся Михайлов. И обратился к Сергею Мироненко: – Дай закурить!

Заместитель начальника строительства уселся на неровный пол возле машиниста электровоза.

– Угробили тоннель, – «вытянув» с ходу чуть ли не пол-сигареты, с горечью произнес Михайлов. – Три недели паха-

ли как черти, чтобы оборотку в этом месте сделать... Людей угробили... Понастрасну угробили!

— Что тоннель? — тихо спросил мастер смены. Голос Савельева был каким-то бесцветным. — Тоннель все равно сдали бы, раньше или позже. Людей не вернешь...

Михайлов дотянул сигарету, с размаху бросил окурок себе под ноги.

— Говорил я, не надо в этом месте копаться! — рубанул он воздух ладонью. — Говорил, что опасно. У каждой линзы своя жизнь! Нельзя работать там, где имеются подземные пустоты, с водой и песком. А подземные течения? Пусть слабые, но они есть! Говорил же про смещение подземных масс. А они что? Кто меня слушал?! Мало оборотки было, так еще и боковой технологический тоннель потребовали. Проект, мать их!

— Что уж теперь, Николаич? Все уже.

Метростроевцы стояли молча, сняв каски. И только Гоша Антонович всхлипывал возле страшной бетонной преграды.

— Будем докладывать наверх, — после длинной паузы решил Михайлов. Поднялся на ноги. — Докладывать. Прямо сейчас.

Прохор Савельев кивнул.

— Журналистов только не надо... сюда, — попросил он. — Не ко времени это...

— Сам так же думаю, — хрипло ответил Михайлов. Он даже не заметил, как странно построил фразу. — Начнется сейчас.

Комиссия от губернатора города. Депутатская группа. Телевизионщики с камерами. Надо пока молчать, а то проходу не дадут. Игорь! Антонович! Мы хоть что-то сделать можем? Ты был там, рядом. Шансы есть, ну хоть минимальные?

Гоша перестал всхлипывать, отрицательно помотал головой.

– Нет, – едва слышно принял объяснить он. – Я поближе к основному тоннелю был. Анатолий Борисович – почти в том месте, где треснуло, и вода сверху полилась. Игнат и Сашка – вообще в конце зоны проходки. Их сразу отсекло. А Самойлов... Он еще мог спастись. Наверное. Да только я сразу, как плывун увидел, назад деру дал. Как учили. А он стоял возле «хапуги». Орал. Звал проходчиков. Уже видел, что потолок рушиться начал, а все равно не ушел.

Я побежал. Потом хотел оглянуться, посмотреть. Да как зацепился ногой за что-то. Полетел, чуть шею не сломал. Пока вставал, глянул назад. Там уже все в глине и песке было, полтоннеля, если не больше. Хорошо, что перепад уровня, это меня спасло. Самойлов то ли по пояс, то ли по грудь в глине увяз. Он весь перемазан был, не разобрать... По-моему, кричал что-то. Вроде: «Уходи, Гоша!» Я не разобрал толком. И вдруг – всадники.

– Какие всадники? – не понял Михайлов и удивленно посмотрел на мастера смены.

Тот пожал плечами и вопросительно глянул на молодого рабочего.

– На лошадях! – ответил Гоша. – Всадники. Настоящие. В блестящих латах. И у коней – на мордах сталь. Как во времена тевтонских рыцарей.

– Гоша, ты чего?! – не удержался Сергей Мироненко.

– Рыцари! – в отчаянии повторил Игорь Антонович. И взмахнул руками, будто пытался что-то показать товарищам. – В блестящих латах. Я еще удивился – как у них в такой грязи латы сверкают? А они – прямо по воде, по песку! Фонтаны из-под копыт! Мимо Самойлова и на меня! Да! Анатолий Борисович их тоже видел. Даже руки к ним протянул. А они – мимо. На меня скачут. Я – бежать.

– А куда они делись? – осторожно поинтересовался мастер смены.

– Не знаю, – огорченно ответил парень. Он задумался, а затем пожал плечами: – Я бежал изо всех сил. Не оглядывался. Потом затвор сработал... Они там остались. Наверно.

Савельев посмотрел на заместителя начальника строительства.

– Эвакуировать! – приказал Михайлов.

Через полчаса Игоря Антоновича увезли на машине «Скорой помощи» в психиатрическую лечебницу. Прохор Савельев долго стоял у бетонной стены, бессмысленно глядя ее шершавую поверхность ладонями. Потом, безнадежно махнув рукой, побрел по тоннелю прочь. Мастер спотыкался чуть ли не на каждом шагу, хотя в другое время мог бы пройти по рабочей зоне с закрытыми глазами.

«Принято считать, что закрытие перегона между станциями „Лесная“ и „Площадь Мужества“ в 1996 году привело к неудобствам примерно для полумиллиона жителей нашего города. Такие цифры не раз озвучивались городскими властями. Но, по сути, в тот момент, когда от Петербургского метрополитена „отрезали“ участок „Площадь Мужества“ – „Девяткино“, никто до конца не осознавал, какой перекос будет внесен в систему движения городского транспорта.

Озвучивая цифру в полмиллиона человек, упомянули лишь тех, кто живет на «Гражданке», в северо-восточной части города. Восемь лет им приходилось с огромными сложностями добираться до центра города. Однако все эти годы существовал и встречный поток – это были люди, которые жили в центре или на юге города, а работали или учились, скажем, в вузах на «Гражданке» или на старой Выборгской стороне. Ежедневно они – с не меньшими трудностями – двигались во встречном направлении по отношению к жителям «отрезанной» части города.

Многие нашли обходной путь – с помощью Московско-Петроградской линии, которая в итоге приняла на себя дополнительную нагрузку за счет жителей «Гражданки». В результате на ряде станций в северной части города был введен режим входа и выхода по графику. Эскалаторов не хватало, чтобы пропустить возросший пассажиропоток, в часы пиковой нагрузки они стали работать «только на вход» или «только на выход».

Годы, пока Кировско-Выборгская линия была разделена на части, жители северо-восточной и северной частей города вспоминают как годы ужаса. Попасть на работу, на учебу и обратно домой можно было лишь с огромным трудом.

И хотя ныне подземное сообщение с северо-восточной частью города восстановлено, логично задать несколько вопросов. Первое. Почему так получилось? Кто виноват в том, что город долгое время был «разрезан» на две части? Второе. Насколько велика вероятность, что это не повторится в будущем?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, совершим экскурс в историю. А вот на второй вопрос мы попробуем ответить, исследуя питерскую подземку вместе с местными диггерами. Попробуем приобщиться к ее тайнам и загадкам.

Итак, для начала уносимся в прошлое, на тридцать с лишним лет назад. Семидесятые годы прошлого века. СССР. Это было время великих свершений. Первый космический полет, индустриальное развитие страны после Второй мировой войны, освоение новых земель. Всеобщий энтузиазм, безграничная вера в собственные силы и возможности науки. Советские люди шагнули в космос – могли ли для них существовать преграды на родной Земле?

Именно на таком эмоциональном фоне принималось решение о строительстве тоннеля для поездов метро через проблемный участок – русло подземной реки. Строители прекрасно знали, что действуют в зоне повышенной опасно-

сти – так называемого плывуна (смеси песка, глины и воды, напоминающей вязкую жидкость).

Плывун – штука опасная и непредсказуемая. Санкт-Петербург стоит на довольно твердом основании – слое сине-зеленых протерозойских глин, донных отложений древнего моря. Но слой этот неоднороден. К сожалению, в нем встречаются пустоты, подземные реки и огромные резервуары воды, которая находится там под большим давлением. Малейшее нарушение внешней оболочки подобного «сосуда» приводит к тому, что скопившиеся массы песка и воды прорываются наружу.

В районе строительства перегона «Лесная» – «Площадь Мужества» дело обстояло еще сложнее. Здесь под городом протекал целый подземный поток, состоявший из коварной смеси мягких пород глины, песка и воды. Вязкая субстанция, которая тоже может находиться в пустотах под давлением, еще опаснее, чем обычная жидкость. Такая масса, вырываясь на свободу, способна резать любой металл за счет силы своего напора и мельчайшего песка, находящегося внутри потока.

Именно такую реку требовалось пройти при строительстве Кировско-Выборгской линии. В те времена существовало три варианта строительства подземных тоннелей на проблемном участке. Первый из них предполагал прокладывание магистрали *под* найденным потоком. Но это был невероятно дорогой вариант, пришлось бы делать станции очень

глубокого заложения. Представьте: чтобы попасть на станцию, пришлось бы спуститься вниз на эскалаторе и, сойдя с него, направиться на другой эскалатор, который перенес бы вас еще на один ярус вниз. Туда, где движутся поезда.

Это был фантастически дорогой вариант еще и потому, что, кроме двухкаскадной системы эскалаторов, требовалось построить промежуточную станцию, нефункциональную. Просто для того, чтобы люди могли с верхнего каскада перейти на нижний.

Второй вариант предусматривал строительство тоннелей над опасным плывуном, ближе к поверхности земли. Но это тоже не нашло одобрения «в верхах». Объяснение было очень простое: если б линия прошла близко к поверхности земли, пришлось бы создать огромную «зону отчуждения» в районе Политехнической улицы. То есть снести все дома и постройки. Иначе жители данного района, а также те, кто работал вблизи линии метро, «прыгали бы на стульях» каждый раз, когда под землей проносился бы очередной состав.

Итак, два проекта были отвергнуты. Что оставалось? На вооружение приняли третий вариант – чрезвычайно опасный, рискованный. Пройти прямо через «размыв»! Ничего подобного в мировой практике еще не было! Аналогов в мировом шахто- и тоннелестроении не существовало.

Проектировщики предложили выполнить замораживание грунта на опасном участке и предпринять дополнительные меры по надежной гидроизоляции тоннелей. Заморажива-

ние гидрологически неустойчивых смесей при строительстве подземных сооружений не является чем-то неординарным: оно часто применяется в мировой практике. Ошибка заключалась лишь в том, что никто не смог точно оценить масштабы происходивших под землей процессов.

Нельзя сказать, что в этом виноват кто-то один. Один учёный, один проектировщик, один руководитель, давший команду: «Поехали!» Теперь, спустя много лет, известно: в работу на «размыве» оказались вовлечеными около ста пятидесяти крупнейших в стране научно-исследовательских организаций и промышленных предприятий. Решение о проходке принималось видными учеными, крупнейшими специалистами в данной области.

В итоге плывун решено было заморозить с помощью фреоновых холодильных установок, позволявших довести температуру грунта до десяти-двенадцати градусов ниже нуля. При этом существует еще одна технологическая особенность проекта, о которой не знают миллионы граждан, в течение долгих лет пользовавшихся метро на «Гражданке». Обычно тоннели для поездов прокладываются рядом. О чудо! На перегоне «Лесная» – «Площадь Мужества» они проходят *в два яруса*. Друг над другом! Это было сделано для того, чтобы сократить площадь поперечного сечения области замораживания грунта. Убавить таким образом количество «морозильных станций», участвовавших в проекте. Уменьшить длину трубопроводов с хладагентом.

Через «размыв» решили провести две защищенные полукилометровые магистрали, каждая из которых имела диаметр шесть метров. Трубы были трехслойными. Наружный слой состоял из чугунных тюбингов, его покрывали специальным водонепроницаемым составом. Внутренний изготавлялся из стали. А промежуточный слой заполняла ажурная сварная конструкция из арматуры. Представить этот слой, воистину, невозможно. В нем на один метр тоннеля приходилось семьдесят метров сварных швов! Затем в эту полость под давлением загонялся специально разработанный полимербетон. Это был монолит, который связывал наружный и внутренний слои.

Огромная труба полукилометровой длины и шестиметрового диаметра «повисла» в непрерывно двигавшемся потоке воды и песка, соединив два «берега» подземной реки. Затем над ней прошла еще одна. Смелый, в чем-то изящный проект. Но если мостом в Калифорнии, например, могут любоваться все желающие, то увидеть подземное чудо Санкт-Петербурга не способен никто.

Поначалу строительство тоннелей в замороженном грунте продвигалось успешно. Однако 6 апреля 1972 года произошла страшная авария. В забой ворвались десятки тысяч кубометров воды с песком. Масштаб произошедшего был таков, что полуторакилометровый участок – от места прорыва до почти готовой станции «Лесная» – в течение нескольких часов оказался полностью затоплен. Остановить поступ-

ление воды и песка в зону проходки не удалось.

Более того, смертельной опасности подверглись проходчики верхнего тоннеля. В силу некоторых причин этот горизонт не имел сообщения с поверхностью. Все коммуникации находились в нижнем тоннеле, а он стремительно заполнялся коварной смесью. Люди едва не оказались отрезанными в верхнем забое, а ведь туда началось поступление воды! Рабочих удалось эвакуировать с большим трудом.

В итоге вопрос стоял уже не о спасении аварийного участка. Под угрозой оказалась вся линия метро на «Гражданке». Чтобы обезопасить ее, были спешно построены бетонные затворы толщиной три метра каждый. Две мощные «пробки» закупорили аварийные тоннели.

Но на этом несчастья не закончились. В результате того, что вода и песок прорвались в тоннели, образовались огромные подземные пустоты – те самые, которые ранее были заполнены плывуном, вышедшим на проходческие горизонты. Началось масштабное проседание грунта на поверхности – в самом городе. На Политехнической улице вздыбился асфальт, искореженными оказались линии трамвайных путей. Часть наземных строений впоследствии была снесена из-за угрозы обвала.

К счастью, проседания грунта быстро прекратились. Однако Политехническую улицу пришлось строить заново. Кроме того, были спешно проложены новые автобусные маршруты и один троллейбусный.

Справившись с разрушениями и повреждениями на поверхности, город вновь вернулся к проблеме метро. На практике выяснилось: традиционный хладоноситель не обеспечивал достаточного замораживания плытвона. И опять возникли вопросы, на которые ранее уже искали ответы проектировщики:

- Обойти «размыв» ниже?
- Пройти выше него?
- Провести линию в стороне от опасного участка?

Было принято другое решение. Строительство продолжили по тому же маршруту! Однако, чтобы избавиться от помех со стороны коварных подземных рек, начали проводить глубокую заморозку грунта жидким азотом. Стоимость этого проекта была не просто огромной. Она была колоссальной. Астрономической. Со всех концов страны в Ленинград потянулись составы с цистернами жидкого азота. Температура кипения вещества – минус 185 градусов по Цельсию. Материал стратегический, данные о его выработке не публикуются. Известно лишь, что, по одним данным, союзные власти выделили городу Ленина 6000 тонн жидкого азота, а по другим – 8000 тонн! От трети до половины объемов производства всей страны.

До того момента жидкий азот никогда не применялся в горном деле. В Ленинграде – впервые в мировой истории – была создана уникальная технология низкотемпературного замораживания грунта. Данная технология и по сей день вы-

зывает немалый интерес зарубежных специалистов.

В аварийной зоне работали пятнадцать замораживающих станций. Было пробурено примерно две тысячи специальных скважин. А длина трубопроводов, проложенных под землей, составляла более трехсот километров. И все ради того, чтобы остановить коварный плывун.

За месяц работы глубоко под землей был создан удивительный рукотворный айсберг – строители «наморозили» глыбу льда, соединившую берега подземной реки. Поступление новых порций песка и воды к месту аварии прекратилось, в результате чего стало возможным разблокирование проходческих горизонтов. Началась очистка тоннелей.

Об этом, наверное, можно складывать легенды. В зобах стоял невероятный мороз. Люди работали не просто в зимней одежде, на них были специальные комбинезоны, на ногах – сапоги, какие носили строители Байкало-Амурской магистрали. Замерзший плывун по твердости напоминал камень. За счет вкраплений песка в глыбы «льда» любой металлический инструмент «съедался» начисто. Может ли читатель представить себе такой факт: лучшие бригады метростроевцев-проходчиков за сутки преодолевали лишь по *двадцать сантиметров* тоннеля!

Затем, чуть принародившись к неподатливому материалу, люди сумели поднять суточную норму до шестидесяти-семидесяти сантиметров. Но ни одна бригада даже в лучший день не смогла расчистить аварийный тоннель и на метр!

И все же люди победили. 31 мая 1975 года, с опозданием на два с половиной года против расчетного срока, было открыто движение на участке «Площадь Ленина» – «Лесная». 31 декабря того же года жителям Ленинграда стали доступны и станции «Лесная» – «Академическая», включавшие аварийный перегон.

Те, кто ездил по Кировско-Выборгской линии в эпоху до второй аварии, наверняка помнят: один из тоннелей – нижний – был красного цвета. Это – стальные листы, закрывавшие коммуникационные кабели и трубопроводы. Своеобразный монумент героизму метростроевцев. На станции «Академическая» установили цветные портреты восьмидесяти лучших строителей. И это было справедливо. Из официальных газетных отчетов об открытии линии метро выпала фраза, произнесенная председателем государственной приемной комиссии: «Сделали то, что по науке сделать было невозможно».

Но плывун не забывал о людях ни на один день. Вначале поезда ходили по «трубам» – подземным мостам – с очень малой скоростью. Все технические сооружения в зоне размыва были увешаны разнообразными датчиками, и беспристрастная аппаратура фиксировала: магистрали проседают вниз от расчетного показателя. По непонятным для проектировщиков причинам. Сначала – на два сантиметра в год, что в общем-то было не очень много. Потом скорость уменьшилась. Тоннели проседали менее чем на сантиметр в год.

Минуло десять лет. Казалось – все стабилизировалось. Ограничение скорости поездов на опасном участке сняли. Пассажиры, ежедневно проносясь через страшную подземную реку, перестали задумываться, в каком опасном месте они находятся. А ведь до смерти было всего чуть-чуть. Плыун по-прежнему не забывал о людях. Он не сдался, хотя был «убит» страшным морозом. Убит ли? Нет, находился в анабиозе!

Следует отметить, что выполнять новые подмораживания грунта с помощью жидкого азота не планировалось. Такой вариант не рассматривался даже в далеком 1975 году, когда открыли линию. Когда огромная страна ради собственного престижа могла сконцентрировать дорогостоящие ресурсы в одной точке. А позднее, когда на первый план стали выходить экономические показатели, про жидкий азот уже никто не вспоминал. Его постоянное применение на опасном участке сделало бы эксплуатацию перегона неоправданно дорогой. Неэффективной.

И плыун, забытый людьми, очнулся от анабиоза».

Юрий Павлович Тимофеев, врач приемного отделения спецбольницы, сонно зевнул. Поковырялся мизинцем в носу. Он, воспитанный человек, знал, что делать так некрасиво. Но в их «конторе» можно все. Даже чесать пяткой за ухом, если получится и если от этого становится легче на душе. Сутки дежурства подходили к концу, врач лениво заполнял карту нового пациента, только-только поступившего на

«фильтрацию».

«Игорь Петрович Антонович, – вывел он таким почерком, что надпись смог бы прочитать только другой врач. И пошел „отоваривать“ следующие графы: – Национальность – русский. Возраст – 21 год. Пол – мужской. Семейное положение – холост. Образование – среднее специальное. Место работы и должность – рабочий метростроя».

Юрий Павлович зевнул снова, поскреб могучей пятерней затылок. «Конечно, человек с фамилией Антонович – русский, – лениво подумал он. – А как же иначе? Мало того, что русский, так еще и интеллигент в пятом поколении. По лицу сразу видно». Но задавать какие-либо вопросы или размышлять над проблемами Тимофееву не хотелось. Какая, по большому счету, разница? Русский, белорус, еврей... Человек поступил в пункт «фильтрации» – значит, так надо. Его национальность никак не влияет на окончательный диагноз. Если псих – значит, псих. И границы государств не помогут.

С хрустом, смачно зевнув, Юрий Павлович стал читать сопроводительные бумаги, представленные врачом «Скорой помощи».

– О! – радостно сказал он. – Вот и определилось, дорогой друг, куда мы вас направим...

Тимофеев снял трубку внутреннего телефона, набрал короткий номер.

– Игорь Борисович? – уточнил он. – Здравствуй, дорогой!

Тут для тебя клиент прибыл. Из метро, да. Твой любимый. Ага! Рыцари в блестящих латах. Что? Да какие вопросы, дорогой! Лети! Забирай!

Тимофеев повесил трубку.

– Сокол! – улыбнулся он.

Дружески подмигнул парню, сидевшему в «боксе-приемнике». Тот понуро смотрел в пол, никак не реагируя на происходившее вокруг него.

– Да ты не переживай! – по-своему истолковав молчание Гошки, попытался ободрить Тимофеев. – В хорошие руки попадешь. Ракитин обожает истории про всадников, честное слово. Вот увидишь!

Двери входного отделения стукнули, и в помещении появился довольно молодой светловолосый мужчина. Гоша Антонович поглядел на вошедшего без особого любопытства. Мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Худощавый, с коротко стриженными – «ежиком» – волосами. Глаза не злые и не равнодушные.

Психиатр быстрыми шагами пересек холл, полы халата при этом развевались.

– Здорово! – Ракитин энергично протянул руку врачу приемного отделения, крепко сжал вялую кисть Тимофеева.

Тот охнул.

– Псих! – заявил Юрий Павлович, потирая руку. – Искалечишь приемного врача, кто тебе редкие образцы поставлять будет? А?

– Ну, не такие уж и редкие, – не согласился Игорь Борисович. – Бывают и более раритетные. Вот только что с одной дамочкой средних лет общался. Ну никак отпустить меня не могла! Клялась, что ее похитили пятеро инопланетян на летающей тарелке. Ага! Утащили в какой-то странный парк, где на деревьях росли криклиевые обезьяны. И, стало быть, там, в парке, инопланетные сволочи впятером глумились над ней. По-всякому. Такая вот чудовищная история... Пациентка просила срочно навести порядок в отделении. Закрыть окошки, чтобы тарелки летали снаружи.

– Глумились, значит, по-всякому? – с сочувствием спросил врач приемного отделения.

– По-всякому! – вздохнул психиатр.

– А на ветках росли именно криклиевые обезьяны? – заинтересованно уточнил Тимофеев и поскреб пятерней затылок.

– Ага, – без улыбки ответил Ракитин. – А что, ты видел деревья, на которых растут некриклиевые обезьяны?

– Я?! – удивился врач приемного покоя. Глянул на Игоря Борисовича, заметил подозрительный огонек любопытства в его глазах и решил, дабы не провоцировать коллегу, ответить честно: – Я – нет! Не видел таких деревьев.

– Ну вот! – обрадовался Ракитин. – Видишь – значит, порядок! Отдыхай!

Юрий Павлович Тимофеев внимательно посмотрел на коллегу, озадаченно погрыз кончик карандаша. Потом встала

вил его в ухо. Покрутил, исправляя ауру.

– Псих! – резюмировал он. – Слыши? Забирай еще одного психа, начинающего. Шагайте в отделение, с глаз долой. У меня до конца смены – полчаса. Ну вас на хрен с вашими приколами! Этот новенький – тихий. Сопровождения не требуется.

– Рыцарей видел? – заинтересованно спросил Ракитин у Гошки Антоновича.

Тот обреченно кивнул в знак согласия.

– Видел! – признался он. – Только мне никто не верит...

– Я – верю! – успокоил Игорь Борисович. – Пойдем, расскажешь все подробно.

Он открыл дверь «приемного пункта», выпуская новенького. Гошка встал с места, поплелся вперед, абсолютно не интересуясь тем, что происходило вокруг. Шок от пережитого в забое, от смерти товарищей был настолько велик, что Антоновича уже ничто не трогало.

Гошка продолжал жить там, в тоннеле.

«Обстановка на перегоне „Лесная“ – „Площадь Мужества“ осложнилась весной 1995 года, в те времена, когда средств на нормальное обслуживание линий метро у города не было. Плыун выбрал самый подходящий момент для удара! Резко увеличилось поступление воды и песка в тоннели. Гидроизоляция огромных „труб“ неправлялась. Ей „стукнуло“ двадцать лет – немалый возраст для инженерного сооружения. Водопесчаная смесь, словно напильник или

гигантский наждачный камень, протачивала любые трещинки, расширяла их, терпеливо, настойчиво.

Плыун не забыл нанесенной людьми обиды. Рвался к ним рассчитаться за прошлое. Сказывались и возраст гидротехнического сооружения, и то, что в некоторых местах глубина заложения магистралей достигала ста десяти метров. Страшное давление на внешнюю обшивку тоннелей не могло за долгие годы не повлиять на подземные мосты. Но на все природные «выходки» наложилась еще одна старая ошибка проектировщиков. Две «трубы» проходили через русло подземной реки друг над другом. И поезда, мчавшиеся по верхнему тоннелю, создавали динамические нагрузки на нижний!

Плыун почувствовал, что пришло его время. Люди еще могли что-то сделать, спасти сооружение, но... у них не было технических возможностей и финансовых ресурсов, которые имелись двадцать лет назад. В мае 1995 года тоннели просели вниз на три с половиной сантиметра. Даже в самые первые годы, когда сооружение «притиралось к месту», не было случая, чтобы «подземные мосты» проваливались более чем на два сантиметра за год. А тут – за месяц!

Причем верхний тоннель проседал быстрее. По сути, он проваливался в нижнюю трубу. А поезда продолжали мчаться в обе стороны. Те полмиллиона горожан, что обитали на «Гражданке», ежедневно могли оказаться в центре катастрофы, которая по масштабам оставила бы далеко позади гибель

«Титаника».

Поступление воды возросло настолько, что тоннельные насосы вынуждены были работать круглосуточно, хотя раньше они включались только на ночь. Грязный ручей, бежавший между рельсами, превратился в поток. Со временем вода стала заливать рельсы, поезда шли по огромной луже.

Вода постоянно капала со свода тоннеля. Как известно, приток воздуха в пассажирские вагоны осуществляется через специальные воздуховоды на крыше. Возможно, жители «Гражданки» еще помнят такое «развлечение», как неожиданные холодные души, которые им доводилось принимать в поездах Кировско-Выборгской линии, на проблемном участке, когда влага, сочившаяся с потолка тоннелей, попадала в воздухозаборники.

Люди продолжали закрывать глаза на подступавшую катастрофу. Звучали одни и те же разговоры: «Вода в шахте – дело привычное», «В Москве везде течет. И ничего!» Могли ли люди предотвратить вторую аварию? Скорее всего, нет. Для этого, как вы понимаете, необходимы были ресурсы СССР. Страны, которой уже не существовало. Требовались стратегические запасы жидкого азота. Наверное, в этом случае можно было бы «усыпить» коварный плывун еще на десяток-другой лет.

Но люди боролись с ним иными, малоэффективными методами. А коварное подземное существо, словно видя их беспомощность, забавлялось от души. Поезда шли по тон-

нелям, несмотря на опасность. Ночных «технологических окон» для проведения работ уже не хватало, потому решено было закрывать перегон на выходные дни. Это привело к неудобствам горожан, но всюду декларировалось: жесткие меры на отрезке «Лесная» – «Площадь Мужества» временные.

Ремонтные бригады укрепляли стены и своды тоннелей, монтировали рельсовое полотно. Ликвидировали трещины, ставили дополнительные слои гидроизоляции. А плывун аккуратно трогал «гениальные» сооружения людей мягкими лапами. Проверял их на прочность, сдавливал со всех сторон. Искал пути, чтобы пробраться внутрь, испросить долги по старым счетам.

Время шло. Люди боролись. У них не было средств, чтобы одолеть коварное подземное чудовище, но у них оставались мужество и упорство. Теперь уже и в будние дни по нижнему тоннелю поезда ходили строго по графику. Расписание вывесили на станциях...

Лето и осень 1995 года прошли в борьбе с подземной рекой, которая становилась все агрессивнее и нетерпеливее. Осадка тоннелей шла по нарастающей: она достигла двадцати четырех сантиметров от проектного значения. Небольшие прорывы появлялись все в новых и новых местах. Ремонтники устанавливали анкеры, резали и варили металл, вводили в трещины быстротвердеющий раствор. Словно солдаты, которым был дан приказ: умереть на месте, но не пропустить

противника. Работы шли не только ночью, но и днем.

Катастрофа произошла в декабре. В ночь с третьего на четвертое мощный плывун прорвался в нижний тоннель. Над рельсовыми магистралями постоянно шел ливень, вода прибывала с каждым часом. Пути размыло, и стало ясно, что люди проигрывают схватку.

Движение поездов по тоннелю теперь было невозможно. В тот момент нижний горизонт еще не затопило полностью, а потому у метростроевцев теплилась надежда: можно законсервировать сооружение, над которым работали несколько поколений людей, в которое было вложено невероятное количество денег, сил, времени. И мужества тех, кто преодолевал русло коварной подземной реки. Требовалось какое-то неординарное техническое решение, которое помогло бы спасти «подземный мост». На обоих концах аварийного перегона началось спешное возведение бетонных «пробок», чтобы блокировать проблемный участок.

Однако плывун продолжал игру с людьми. С интересом наблюдая, как маленькие букашки пытаются спасти свой хрупкий домик, он усиливал давление, бил с разных сторон, преподносил все новые сюрпризы. Резко возросла осадка верхнего тоннеля. Поезда по нему почти не ходили, во избежание более страшных аварий. За каждые несколько часов верхняя труба проваливалась в нижнюю на три-четыре сантиметра. Годовая норма оседания шутя бралась меньше чем за сутки.

Люди вынуждены были отступить дальше и отдать подземной реке нижний горизонт. Просчитали: единственный шанс спасти верхний тоннель – приостановить его проваливание. Одна труба была полностью затоплена, чтобы выровнять давление на внутренние и внешние стенки.

У метрополитена осталась единственная рельсовая связь с «Гражданкой» – пятью станциями в северо-восточной части города, оставшимися «за рекой». Однако, как и двадцать лет назад – в семидесятых годах прошлого века, – начались подвижки грунта на поверхности. Второй раз подземная река сыграла с людьми ту же шутку: плывун оказался внутри инженерных коммуникаций метро. В результате под землей, под городом, возникли новые пустоты, стал проседать грунт в жилых и рабочих массивах.

Началась легкая паника среди населения кварталов, оказавшихся в зоне аварии. Сильно поднялся уровень воды в колодцах городских коммуникаций. Подземная река преподносила все новые и новые неожиданности. Люди уже не представляли, с какой стороны ждать следующего удара.

В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое декабря они признали свое поражение. По верхнему тоннелю в последний раз прошли пассажирские составы из тех, что должны были обслуживать «Девяткино» – «Площадь Мужества» и отрезанный от города участок Кировско-Выборгской линии. В то время контактный рельс уже был отключен, и вагоны тащил мотовоз.

После этого пути в районах гидрозатворов были разобраны, заслонки зафиксированы, створы загерметизированы, а кабельные каналы забетонированы. В обреченный тоннель началась закачка водопроводной воды. Лишь бы только в верхний горизонт не прорвался плывун, не возникло новых просадок на поверхности. На торцах тоннелей возникли мощные бетонные пробки. Перегон «Лесная» – «Площадь Мужества», после долгой героической борьбы, мужества и самопожертвования людей, после мучительной агонии, прекратил существование.

Но несмотря на это «выжившая» часть Кировско-Выборгской линии была не способна функционировать в полном объеме. Требовалось срубать сотни кубометров бетона на станции «Площадь Мужества», чтобы открыть соединительный тоннель для оборота поездов. А затем в спешном порядке восстанавливать камеры съезда на «Лесной». Когда-то эта станция была конечной, но затем ветка прошла дальше и обратные пути были демонтированы. Нужно было создавать все заново...

Восемь лет город задыхался – он был разрезан на части по вине подземной реки, коварства которой не смогли оценить проектировщики прошлого века. На то, чтобы вновь одолеть плывун, потребовалось много сил и средств. На этот раз обошлось без замораживания: опасный участок был пройден с помощью горно-проходческого щита «Виктория» итalo-шведского консорциума Impregilo/NCC.

Особенность новой технологии заключалась в том, что горно-проходческий щит не только бурил тоннель, но и одновременно служил пробкой, которая сдерживала обводненные массы. Теперь на новой магистрали вагоны метро будут двигаться по огромной бетонной трубе, которая не пропускает воду...

Лишь 26 июня 2004 года первый поезд с пассажирами прошел по перегону «Лесная» – «Площадь Мужества». Две половинки Кировско-Выборгской линии воссоединились в целое. Пройдет совсем немного времени, и жители Санкт-Петербурга забудут о том, каких жертв и затрат стоил «подземный мост» через страшную реку.

Забудут ли? Да, такова привычка людей – забывать геройизм и мужество своих предков. Воспринимать окружающее как нечто естественное. Хотя иногда шедевры архитектуры возводятся, как говорят, «на костях». На останках тех, кто закладывал фундамент победы.

Забудут ли? Кто сказал, что коварный плывун укрощен? Люди в очередной раз одержали победу над подземным чудовищем, но так было и ровно тридцать лет назад! И уже звучали слова о том, что коварная река побеждена на века...

Метро – штука дорогая. Стоимость строительства одного километра глубокого заложения – тридцать—тридцать пять миллионов долларов. Обслуживание одного километра – от двадцати до ста тысяч долларов в месяц. Мы – Ротшильды. Короли. Нефтяные шейхи. Нам под ногиброшено состояние

в миллиарды долларов. Мы топчем его, топчем ежедневно. Бежим, торопимся, прыгаем с эскалатора в открытые двери поезда, несемся через переход с одной ветки на другую.

Мы – миллиардеры, но наше состояние может исчезнуть в любой момент. Приятно ли однажды проснуться и почувствовать себя нищим? Есть ли у нас право забывать? Стоит ли ждать новой страшной аварии, чтобы вспомнить: враг не побежден, он только дремлет? Он не смирился с поражением! Проезжая по новым тоннелям, помните: чудовище готовится к новой атаке. У него пока мало сил, оно будет копить их день за днем. Месяц за месяцем. Где, в каком месте может быть нанесен следующий удар? Как защитить хрупкий подземный мир от вторжения коварного существа, мечтающего рассчитаться с людьми?

Чтобы найти ответы на вопросы, попробуем поговорить с теми, кто лучше всех знает подземный андеграунд, – с диггерами Санкт-Петербурга. Лучший способ – вместе с ними спуститься в подземные лабиринты нашего города. Своими глазами посмотреть на жизнь этого удивительного мира».

– Yes! – радостно сказала Оксана.

Она была не просто довольна собой. Девушка гордилась тем, как «пошел» текст. Журналистка чувствовала – ей удалось найти собственный подход к данному вопросу. Начать материал о питерской подземке так, чтоб заинтересовавшийся читатель не смог оторваться от журнала.

Устало потянувшись в кресле, Оксана посмотрела на ча-

сы. Около двух ночи...

— У-у-у, красотуля, — сказала она себе, тут же почувствовав, как затекли ноги, как болят уставшие от неподвижности спина и шея. — Пора нам с тобой в кроватку, милая.

Ни о каком ужине речи быть не могло. Наскоро помывшись и разобрав постель, Оксана бухнулась на подушку, стараясь выбросить из гудящей головы абсолютно все. Это получилось не сразу.

Журналистка бродила по безлюдным перронам питерских станций, спускалась в черные холодные тоннели. На нее сверху капала вода. Из стен вылезали косматые чудовища, они хватали девушки склизкими лапами, цепляли металлическими крючьями. Норовили утащить в колодцы, заполненные глиняным «тестом».

Девушка бежала от чудовищ по шпалам, спотыкалась и падала — ей никак не удавалось приоровиться к расстояниям между соседними брусками. Потом где-то за спиной завыл, загудел поезд, Ксану обдало световым потоком. Она бросилась в сторону, чудом выскользнув из-под колес невероятно огромного состава. Потом длинное гудящее чудовище исчезло вдали. Оксана шагнула вперед и замерла, пораженная.

Мимо нее, ничуть не задевая, словно не замечая девушку, текла огромная подземная река. На вид она была шире, чем Нева. Вода с песком неспешно двигалась справа налево. Оксана Лаптева боялась прикоснуться к этой черной пугаю-

щей массе даже кончиком туфли. Река была живой! Девушка могла поклясться, что это так!

Журналистка пошла по берегу влево, по течению реки, привлеченная ослепительным блеском. Ей пришлось одолеть совсем небольшое расстояние, чтобы замереть от воссторга: берега подземной реки соединял ледяной мост! Мост колоссальной длины. Мост – прозрачная труба. Именно туда ныряли исполнинские поезда, чтобы, пробежав над черной шевелящейся массой, исчезнуть в недрах земли.

– Я хочу увидеть! – пробормотала Оксана и открыла глаза. – Увидеть это!

Темно. Вокруг – никого. Ночь. Нет ни чудовищ с лапами-крючьями, ни огромных поездов, ни сияющего прозрачного моста через живую подземную реку.

– Где же мне найти этих диггеров? – спросила себя Оксана и провалилась в сон окончательно.

На этот раз – до утра.

Игорь Борисович шел по длинному коридору первым, показывая дорогу. При этом Ракитин вел указательным пальцем правой руки по стене.

«Будто троллейбус по проводам...» – подумал Антонович. Гоша понуро топал вслед за врачом. Он почти не видел стен лечебницы вокруг себя...

...Вот Сергей Мироненко ведет электровоз с прицепленными вагонетками. Вот происходит «орел» – вагонетки отрываются от локомотива. У Гошки тогда оставались счита-

ные секунды. Надо было ухитриться застопорить их стрелкой, на разминовке... Ему удалось. Первая колесная пара проскочила по левому пути, и тут же парень дернул рычаг, вторая колесная пара ушла вправо. Забур... То, что и требовалось. Иначе бы состав понесся по наклонной дороге вниз, круша все на своем пути.

Вот Анатолий Борисович Самойлов. «Дедушка», как шутя называли его в бригаде. Идет, и по движению губ видно, что изрыгает проклятия. Недоволен... А вот они втроем: Борисыч, он сам да Серега Мироненко поправляют вагонетку. Устанавливают колесные пары на рельсы. Улыбка «дедушки» – порядок.

И тут же новая картина – искаженное ужасом, грязное, перепачканное глиной лицо Анатолия Самойлова. Перекошенный в крике рот... Что хотел объяснить ему «дедушка», когда из трещины в потолке хлынул поток воды с песком? Никогда уже не узнать. Все осталось за бетонным затвором. Все-все... И Самойлов, и проходчики в забое, и вагонетки, и «хапуга». А он, Игорь Антонович, успел выбраться. Ускользнул от смерти. Чтобы оказаться здесь...

Врач и пациент очутились в небольшом кабинете. Гоша огляделся без любопытства. Мебели почти не было, на окне – тонкая белая решетка, скрытая за хлопчатобумажными занавесками.

Антонович примостился на стул – там, куда указал врач.
– Расскажи про рыцарей, – попросил Игорь Борисович и

уселся напротив Гошки.

- Вы ж все равно не поверите, – хмуро ответил парень.
- Поверю! Честное слово.

Гошка исподлобья посмотрел на психиатра. И стал рассказывать с самого начала. Про оборотный тоннель для обмена поездов. Про дополнительный технологический «аппендикс», заложенный в проекте. Про «хапугу», Борисыча, отрыв локомотива и про то, как ставили на рельсы вагонетку. А потом – про то, что труднее всего было вспоминать. Как с потолка хлынул ливень. Вода, песок, глина. Как «дедушка» звал двоих рабочих-проходчиков, а в результате не успел выбраться из опасной зоны сам. Как увяз в глиняном болоте и что-то кричал парню, удиравшему прочь по тоннелю. В конце Гошка рассказал и про рыцарей.

- Какие они были? – поинтересовался врач. – Подробнее.
- На лошадях. Лошади тоже покрыты блестящими латами.
- А лица всадников видел? – уточнил Игорь Борисович.
- Нет, – отрицательно помотал головой парень. – У них у всех забрала опущены были. Лиц не видно. Кстати, и на мордах лошадей тоже железные маски. Знаете, такие... не литые полностью. Глаза и переносицу закрывают.
- Знаю, – подтвердил Ракитин.

Он повернулся к столу. Выдвинул ящик, достал оттуда какую-то свернутую бумагу. Шагнул к пациенту, развернул лист. Перед Антоновичем оказалась довольно подробная карта петербургской подземки. На нее были нанесены

не только линии пассажирского движения, но и строящиеся, проектирующиеся линии. Тонким пунктиром помечены служебные магистрали.

— Покажи, где это произошло? — попросил Ракитин. — Где ты их видел?

Гоша склонился над картой, принял водить по ней пальцем, что-то тихо шепча под нос.

— Вот примерно тут, — он ткнул ногтем, надавил на бумагу, оставляя след. — Где-то здесь. Точнее сказать не смогу. Карта плохая, не тот масштаб. У нас другие.

— Ага, понял! — оживился Ракитин. — Опять северо-восточная часть города.

Игорь Борисович взял в руки карандаш, сделал какую-то отметку на загадочном плане. Гошка до конца не понял смысла. Сверху шла дата, потом длинный номер. Но Антонович обратил внимание, что новая отметка в этой зоне не была единственной — там имелись и другие. Возле каждой из них стояли дата и номер. Засечь числа парень не успел, врач быстро убрал карту со стола.

— Ладно, хорошо! — сказал психиатр и хлопнул пациента по плечу. — Ты молодец. Не вини себя за то, что случилось. Ты сделал все, что мог. Сейчас позову сестру, она отведет тебя в палату. Пока отдыхай. Спи, если получится. Не сможешь — попроси, чтоб укол поставили. Все остальное медсестра объяснит. На странных людей в коридоре внимания не обращай. Все тихие. Те, кто опасен, в другом месте. Если

к тебе подойдет мужик и скажет, что он – электробатарея и трогать его не надо, потому что ударит током, значит – не трогай! Потому что ударит током.

Гошка поднялся с места.

– Доктор, я здесь надолго? – спросил он.

– Посмотрим, – дружелюбно улыбнулся Ракитин. – Завтра начнем обследование, возьмем анализы. За день или два точно не выпишешься. Но ты не переживай. Будет заключение – там и определимся. А пока – отдохай, отдохай! Набирайся сил. Про рыцарей постараися забыть. Самому же легче будет.

Утром, на свежую голову, Оксана сообразила, как найти диггеров. Девушку даже удивило: почему такая простая мысль не посетила ее накануне? Надо было лишь воспользоваться тем же способом, что и Дмитрий Владимирович Болотко, главный редактор «Тайн Петербурга».

Налив в кружку горячий кофе, положив на тарелочку паштет из бутербродов, Оксана села за компьютер. Вообще, день не следовало начинать так. В другом случае она бы обязательно приняла душ. Потом последовал бы завтрак. Наконец, занялась бы макияжем. И только после всего утреннего «церемониала» – работа. Но сегодня девушке не требовалось бежать ни в институт, ни в редакцию. Следовательно, макияж можно сделать попозже. Уделив и лицу, и шее, и рукам больше внимания, чем в рабочий день. Кроме того, Оксане очень хотелось есть, ведь накануне журналистка осталась без ужина.

Да и не терпелось проверить: сумеет ли она найти какие-то полезные ссылки с помощью поисковых систем Интернета.

Для начала Оксана сформировала и отправила запрос «диггеры Петербурга». Система «выплюнула» целую гору страниц, большинство из которых в работе оказались совершенно бесполезными. Пятьсот пятьдесят два раза чьи-то новости кричали о том, что «милиция задержала трех диггеров и... и... и...».

Оксана не стала читать. Не найдя ничего – как ей показалось – путного, она изменила строку запроса на «петербургские диггеры». Вгрызлась в бутерброд, внимательно изучая полученные ссылки. Увы, большей частью они повторяли то, что Оксана уже видела.

Допив кофе, девушка напряглась изо всех сил и послала новую строку запроса: «диггеры Северо-Запада». К ее восторгу, уже на первой ответной странице, присланной машиной, оказался очень полезный сайт! Перейдя туда, Оксана чуть не подпрыгнула от восторга. Она обнаружила длинный список – страницы в Интернете, которые были созданы диггерами.

Те, кого искала журналистка, жили по указанным адресам! Общались друг с другом на форумах. О, чудо! Даже оставляли рассказы о походах под землю.

– Ай, зайка! – похвалила себя девушка.

Так быстро удалось найти решение... Но эйфория очень быстро сменилась унынием, разочарованием. Просмотрев

форумы на сайтах диггеров, девушка поняла: прессу там не жалуют. В одном месте корреспондентку из газеты, которая хотела пообщаться с парнями – даже оставила свои e-mail и телефон, – просто отправили по всем известному короткому адресу. С добрым напутствием: не возвращаться, ибо журналистов не любят. Как поняла Оксана Лаптева, за вранье.

– А как нам быть?! – мысленно спросила девушка у владельцев ресурса и посетителей. – Что нам, журналистам, делать? Не соврешь – вы же сами читать не будете! Можно подумать, кого-то интересует сухая голая статистика. Ты, будь любезна, приукрась. Разложи любую мелочь, придай ей товарный вид!

Девушка тяжело вздохнула. Что делать? Быть посланной «ловить на хутор бабочек» ей не хотелось. Тем более прилюдно, на форуме. «Ищи к ним подход, войди в доверие. Ты же молодая, симпатичная девушка. Придумай что-нибудь...» – вспомнились слова Болотко.

«Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое».

И Оксана, отодвинув в сторону тарелку с недоеденным бутербродом, села придумывать любовное послание диггерам. Парням, которых она никогда не видела, но которых ей – любой ценой – следовало очаровать. Чтоб они вопреки правилам согласились на встречу с журналисткой. Чтобы рассказали интересные истории. Чтобы... Чтобы... Чтобы... Чтобы взяли ее с собой под землю. Вот!

Когда текст был готов, Оксана перечитала его пять раз

подряд. В меру восторженное послание («ух, какие вы классные парни!»), в меру кокетливое («я заранее обожаю вас, мальчики»), в меру деловое («готова не врать в статье, возьмите с собой – буду писать о том, что видела»).

Журналистка открыла почтовую программу, забила в адресную строку e-mail'ы трех диггеров. Людей для контакта она выбрала, исходя из того, как они общаются на форумах, какие истории пишут, сколько лет «ныряют под землю». Чем опытнее человек, тем больше он сможет рассказать. Чем меньше в нем юношеского максимализма, тем вероятнее, что человек ответит на письмо. Правда, со «стариками» Оксане тоже возиться не хотелось. Как она смогла бы очаровать их при встрече? Лучше уж парни ее возраста или чуть постарше. Чтоб уже без шила в заднице, но еще не потеряли интереса к романтике в отношениях с противоположным полом.

Перекрестившись, Оксана отправила письмо по трем выбранным адресам. Посидела у машины еще минут пять, будто в ожидании какого-то чуда. Проверила почту, но ответов, конечно же, не было. Журналистка вышла из Интернета с чувством, что все сделано правильно, как требовалось. Теперь надо просто ждать...

Девушка отправилась под душ, не забыв разложить на стеклянной полочке принадлежности для «боевой раскраски». Если повезет и хотя бы один из парней откликнется на ее горячее послание – тогда и «моську» нарисовать можно. Так, чтоб все-все ей рассказали. Даже то, что видели только

во сне.

Известие о том, что журналистка из «Тайн Петербурга» хочет лично познакомиться с диггерами, было встречено Ружем, Киловольтом и Быстроходом по-разному. Первым на письмо Оксаны Лаптевой наткнулся Киловольт, который решил от нечего делать с утра проверить почту. Узрев бойкое девичье послание, он перестал зевать и чесать голую грудь. Сходил к холодильнику за пивом и еще раз перечитал письмо Оксаны.

— Хм-м! — сказал Кил. — Надо же, вот еще ни разу не видел, а уже тянет прислониться к dame. Что бы это значило?

Вытащив из-под стола мобильник, невесть каким чудом оказавшийся под спящей кошкой, Киловольт позвонил Ружу. Тот, недолго думая, решил проверить свою почту, благо тоже находился дома.

— Е-е-е! — донесся из аппарата радостный вопль. — Меня тоже любят по-всякому. Теми же словами, по тому же месту.

— Хм-м! — еще раз сказал Киловольт. И почесал нос банкой пива. — Как думаешь, она нами двоими ограничилась или целому батальону письма разослала?

— Не знаю, — загоготал Руж. — Это ж баба. Не, не просто баба. Журналистка!

В результате короткого перезвона с коллегами парни выяснили: есть еще и третий счастливчик, получивший аналогичное послание. Но Быстроход в это время был на работе. Причем, судя по «извержению вулкана и камнепаду» на зад-

нем плане, получал втык от начальства. Быстроход категорически отверг идею встречи, скороговоркой выпалив, что всех журналисток надо посыпать по известному адресу. Добавил, что лично его, Быстрого, по данному вопросу еще раз беспокоить не след. А коли Ружу и Килу хочется пощупать новую телку – так флаг им в руки. Как говорится, если есть время, деньги и желание – уперед!

На этом Быстроход дал отбой. Выяснив позицию колледжи, Киловольт и Руж приняли еще по пиву, для прочищения мозгов. Причем пили они вдвоем, но каждый находился у себя дома.

– Что делать будем? – спросил Кил, выбросив в мусорное ведро пустую банку.

– Хрен знает, – честно ответил Руж. – Может, назначим встречу? Просто глянем на нее. Вдруг – симпотная, а? И сама в руки плывет...

– А если краказябла? – усомнился Киловольт. – Ты видел, чтоб симпотные телки сами плыли тебе в руки?

– Бывало, – соврал Руж, хотя сразу же вспомнить аналогичный случай не смог.

– Ну... ладно, – решил Киловольт. – В конце концов эта хоть умнее, чем предыдущая. Помнишь, одна была? Адрес на сайт кинула, телефон. Мол, звоните. Я статью пишу. Зашибидзе! Словно бы нам за ней бегать надо... А эта... как ее... Ксюша... совсем по-другому на вещи смотрит. Трезво. Я, говорит, приеду, куда скажете. Если не в публичный дом,

да не в лес ночью. И клянется: писать будет только правду. Что мы расскажем или что сама увидит. Как думаешь?

— Ксю-ю-ю-юша, — протянул Руж. — Знаешь, имя мне нравится. Завлекательное такое. Будит воображение. Ксю-ю-юша. Позвоним, что ли?

— Ты или я? — спросил Кил. И вдруг ни с того ни с сего выпалил: — Я позвоню!

— Давай, Коза Новая, — хмыкнул Руж.

— Чего? — не понял Киловольт.

— Казанова, говорю! — заржал приятель. — Звони! Договоривайся на сегодня, пока время есть и дел не успели придумать. Только место выбирай, чтоб далеко ехать не требовалось. Облом круги по городу нарезать.

— ОК!

Через пять минут Киловольт разговаривал с Оксаной Лаптевой. Он еще не видел девушку, но по голосу почувствовал: журналистка совсем не старая. Нет! И не краказябла. Киловольт от волнения наступил на спящую кошку и не заметил этого. Девчонка на другом конце провода была смела, умна, кокетлива. Разговаривать с ней оказалось приятно.

Встречу назначили на три часа дня, в Московском парке Победы. Туда было не очень долго добираться и Килу из Купчино, и Ружу с Ленинского проспекта.

Сообщение метростроевцев о том, что плывун вновь напомнил о себе, вызвало у руководителей проекта не только шок. Легкую панику. Казалось бы, осталась в прошлом

авария семидесятых годов двадцатого века, аукнувшаяся в девяностых, когда тоннели перестали существовать. Новый «подземный мост», построенный с помощью передовых мировых технологий, надежно связал центр города с «Гражданкой».

И вот – новая напасть. При прокладке вспомогательных магистралей, в стороне от опасной зоны – прорыв! Плыун в забое. Потеряны трое рабочих и дорогостоящее оборудование. Понапрасну выброшены на ветер деньги, потрачено время...

– Это не самое плохое, – уже закончив доклад, сообщил Михайлов.

Василий Николаевич промокнул испарину, выступившую на лбу.

– Мы боимся, что временные затворы не выдержат давления подземной реки, – доложил он.

В конференц-зале моментально установилась тишина. И до того люди слушали внимательно, но теперь они перестали шаркать ногами, тихонько скрипеть креслами, меняя положение тела. Все застыли, будто манекены. Перестали дышать.

– Что ты сказал? – медленно, с трудом, выговорил Святослав Александрович Миньков, главный начальник проекта. – Повтори, пожалуйста.

– Бетонный затвор долго не выдержит давления подземной реки, – четко повторил Михайлов. И развил мысль:

Вспомните прошлый опыт. Поток – будто наждачный круг. Он съедает все, даже металл. Плыун может прорваться в основной, оборотный тоннель. Предполагаю, что, если не принять должных мер, это произойдет через несколько дней. Максимум – недель.

Миньков схватился за сердце. Помассировав грудь, трясущимися пальцами вынул из внутреннего кармана упаковку валидола, бросил таблетку под язык. Новость о том, что участок подземной трассы «Лесная» – «Девяткино» может быть потерян для города в третий раз, способна убить и вполне здорового человека. Стоило лишь представить, что произойдет, если только...

– Что мы можем сделать? – глухо спросил Миньков. – До кладывай все варианты! Даже самые невероятные. У тебя было несколько часов. Какие решения?

– Первое. – Михайлов достал блокнот, хотя, по большому счету, ему не требовались никакие записи. Возможные варианты без конца, безостановочно, крутились в голове. – Первое. Необходимо усилить бетонные пробки на стыке служебного тоннеля и оборотного. Провести дополнительную герметизацию кабель-каналов...

– Это поможет? – спросил Святослав Александрович, медленно растирая левую половину груди.

– Не уверен.

– Дальше! – резко бросил руководитель проекта.

– Провести тренировки дежурного персонала на приле-

гающих пассажирских станциях. Эвакуация людей наверх по сигналу «Тревога». Герметизация тоннелей постоянными затворами. Они-то уж точно выдержат!

– С ума сошел?! – Миньков привстал с места, забыв про ноющее сердце. Уперся ладонями в стол, наклонился в сторону Михайлова. – Ты что?! Не соображаешь, что несешь?! Да... да если мы начнем подобные тренинги, журналисты и телевизионщики мигом раздуют из этого скандал! Мы окажемся по уши в дерьме. Мало того, что любому журналигу станет известно о людских жертвах, так еще начнут орать на каждом углу о просчетах при организации вспомогательных, сервисных коридоров!

– Я не знаю, что станут орать журналисты, – тихо, но очень четко ответил Михайлов. – У них своя работа, у меня своя. Моя задача в том, чтобы свести к минимуму возможные жертвы и потери. И ради этого надо принимать меры. Немедленно! А что касается ошибок в проекте, то я неоднократно говорил о странных решениях по...

– Хватит! – резко хлопнул ладонью по столу Миньков. – Хватит показывать, какой ты умник! Задним умом все крепки! Кто же мог подумать, что плывун проявит себя в этой точке? Кто??

– Этого можно было ожидать! – упрямко гнул свою линию Василий Михайлов. – Во-первых, еще в 1971 году не смогли точно установить русло подземной реки. Хотя проводили детальную разведку. Один этот факт должен был всех насто-

рожить. Потом, тридцать лет назад, метростроевцы уже «погралились» на прилегающем участке – проложили две шестиметровые трубы через подземную реку. Это сооружение высотой в двенадцать метров. В слое воды, глины, песка. Можно считать, построили на реке гигантскую плотину. Любой поток в таком случае ищет обходные пути.

– Ищет, ищет! – в раздражении бросил Миньков.

– А потом еще жидкий азот применили – наморозили целый подземный айсберг поперек течения. Опять же не всю реку заморозили, это невозможно. Лишь тот кусок, который был необходим для работ. А что плывун, основной поток? Искал какие-то обходные пути! Новое русло формировалось. Добавьте к этому обвалы, проседания почвы. Тридцать лет назад, во время первой аварии. И в девяностых, когда тоннели пришлось отдавать стихии. Когда отступили, не справились с плывуном.

И потом, щит «Виктория» вновь прошел через поток, но уже в другом месте. Люди несколько раз перегораживали подземную реку. Заставляли ее менять русло, заполнять возникшие пустоты в грунте. Можно только порадоваться тому, что она до сих пор не съела огромный кусок города на поверхности.

– Иногда мне кажется: там – живое существо, – вдруг сказал Миньков.

Руководитель проекта указал себе под ноги, в пол. Но все поняли, что он имел в виду. Святослав Александрович говорил

рил о плывуне.

— Я все помню, — горько добавил Миньков. — И тогда, в семидесятых. И в девяностых. Мы же так и не смогли победить чертову подземную реку... Она делала вид, что отступила, а сама лишь затаивалась на время. Затаивалась и ждала. Потом наносила новый удар в другом месте. Она постоянно играет с нами, караулит малейшую ошибку. Не прощает слабости...

Миньков тяжелым взглядом окинул присутствовавших на совещании людей. Их было совсем немного — тех, кто знал о новой катастрофе под землей.

— Но мы не имеем права отступить! В этой битве наше поражение невозможно. Недопустимо. Какие будут предложения? Надо выиграть время, чтобы укрепить бетонные затворы на аварийном тоннеле. И вообще сделать все от нас зависящее, чтобы исключить просадку грунта на поверхности, в жилых массивах.

— У меня есть предложение, — тут же сказал Василий Михайлов. — Оно неприятное, трудное. Но прошу учесть: я раньше коллег, присутствующих здесь, узнал все детали аварии. Соответственно, время, чтоб прикинуть варианты, было.

— Давай, Николаич, побыстрее! — поторопил его Миньков, нетерпеливо потирая руки.

— Только что мы вспоминали аварию прошлого века — ту, первую, семидесятых годов. — Михайлов встал с места, по-

дошел к карте аварийного участка. – Предлагаю воспользоваться накопленным опытом. А именно: провести глубокое замораживание плывуна в зоне прорыва. Мы создадим толстую броню изо льда. Естественную защиту от новых масс, которые могли бы поступить из подземной реки. Давление на бетонный затвор ослабнет, риск прорыва значительных объемов водопесочной смеси в основные горизонты исчезнет. Это не неделя и даже не месяц передышки. Из прошлого опыта – лет десять-двадцать гарантированного покоя.

– Ты предлагаешь вновь применить жидкий азот?! – покраснел Миньков. – Василий Николаевич, дорогой! Ты хоть представляешь, в какие деньги это обойдется?

– Во-первых, нам не надо тратить составы жидкого азота, – парировал Михайлов. – Мы не будем намораживать здоровенный айсберг длиной более полукилометра и высотой с пятиэтажную хрущевку! Нужно лишь правильно выбрать вертикальные шахты, в которые закачать азот. И все.

– А во-вторых?

– А во-вторых, уважаемый Святослав Александрович, мы все допустили ошибку при выполнении проекта заложения вспомогательных тоннелей в опасной зоне! Не учли смещения подземных масс. Не просканировали в деталях русло подземной реки. А оно изменилось – после стольких вмешательств со стороны людей.

В итоге речь уже не о том, сколько средств мы истратим на исправление собственной ошибки. Речь о другом. Сколько

людских жизней мы потеряли, если не сделаем этого? Сколько домов рухнет в появившиеся пустоты? В какую сумму обойдется городу прокладка еще одного «подземного моста» через реку? Вот это – считайте!

Миньков посмотрел на инженера чуть ли не с ненавистью. Михайлов прошел на место и сел. В зале наступило молчание. Все смотрели на начальника проекта. Никаких альтернативных предложений не поступало.

– Хорошо! – сдался Миньков. – Хорошо, уговорили! Будем применять жидкий азот, чтобы сберечь существующую пассажирскую систему. Но денег у нас нет. Придется идти к губернатору. А значит, докладывать об аварии в деталях. Всю картину. Полностью.

По залу пронесся легкий шумок. Люди чуть оживились. Все понимали, что ситуация трудная, щекотливая, но другого выхода нет.

– Василий Николаевич! – обратился руководитель проекта к Михайлову. – Поедете в Смольный со мной. Будьте наготове! Я пойду согласовывать время с аппаратом губернатора. Как только получу «добро» – сразу туда. Мы оба.

Стояла ранняя осень. Деревья в Парке Победы пожелтели, но под ногами еще не было сплошного лиственного ковра, какой появляется в октябре. Оксана с удовольствием шла по песчаной дорожке, глядя по сторонам. День выдался теплым, приятным. Конечно, не двадцать пять, как в июле. Но и восемнадцать – вполне приличная температура для жителей

северного города, не избалованных африканской жарой.

Оксане вдруг вспомнилась история, которую рассказывала подруга, вернувшаяся из Египта. По ее словам, двадцать градусов выше нуля там считается страшным холодом. И местные модницы уже вовсю щеголяют в теплых меховых шубах...

Девушка улыбнулась. На первую встречу с диггерами будущая журналистка не надевала никаких меховых шуб. Не только потому, что в такую погоду зажарилась бы насмерть, но и потому, что таскать на себе лишнюю тяжесть просто глупо. Даже ради эффекта.

Для этой встречи девушка выбрала обычные синие джинсы в обтяжку, не расширенные книзу – по моде, а наоборот – зауженные. К новой моде Оксана Лаптева относилась скептически. На ее взгляд, расширенные к низу джинсы просто уродовали силуэт, начисто лишая женщину сексапильности.

К узким джинсам девушка, после долгих колебаний, добавила обычные белые кроссовки. Она решила отказаться от туфель. Во-первых, в кроссовках удобнее быстро перемещаться по городу – ноги не устают. Во-вторых, она же не на любовное свидание топала... Тонкий розовый свитер, тоже в обтяжку. На него – белую куртку, в тон кроссовкам. Цветовая гамма выдержана. Оксана лишь слегка подкрасила губы, аккуратно подвела глаза, решив не усердствовать для первого раза.

«Своих» парней она вычислила сразу. В сентябре еще не

все дети были «розданы» мамашами в ясли, садики и школы. Потому возле фонтана, где назначили встречу, копошилась целая куча малышни. Но вот парней в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти – а Ксана именно так представляла себе телефонных собеседников – оказалось только двое. Они сидели на скамеечке под деревьями и пили пиво.

Неподалеку тусовалась еще одна группка, подходящая по возрасту, четыре парня и три девчонки. Но Оксана безошибочно определила: это студенты одного из вузов, расположенного где-то неподалеку. Наверняка сливали с занятий. Сентябрь – время лени и праздности для студентов... В общем, вариант оставался только один, а потому девушка, улыбнувшись, двинулась к парням. Походкой манекенщицы в отпуске.

Те разглядывали журналистку, забыв про пиво. Чтобы пересечь небольшую площадку перед фонтаном и дойти до нужной скамейки, Оксане потребовалось секунд тридцать-сорок. То и дело приходилось уворачиваться от велосипедов, обходить детские коляски. В общем, у девушки было время, чтобы разглядеть представителей редкого вида homo sapiens – человека наземно-подземного.

Оба были в синих джинсах, как и она. Один – повыше, светловолосый и голубоглазый – в белых кроссовках и черном свитере. Второй, чуть полноватый, с темным модным «ежиком» – в серых туфлях и такой же по цвету куртке. И оба держали в руках по бутылке «Степана Разина».

– Как патриотично! – восхитилась Оксана.

Приблизившись к парням, она улыбнулась еще шире, восторженнее.

– Пиво завода «Степан Разин», – объяснила девушка парням, которые все так же молча смотрели на нее. – Я и говорю: очень патриотично. Любовь к родному городу начинается с мелочей. Кстати, здравствуйте! Я – Оксана Лаптева, журналистка из «Тайн Петербурга». Надеюсь, не ошиблась? Вы ждете меня?

– Да! – опомнившись, один из парней – светловолосый – вскочил на ноги, сделал движение вперед, то ли собираясь пожать руку девушке, то ли поцеловать. Но смешался, так и не определившись, как поступить. – Мы ждем вас! Я – Киловольт. Мы с вами, Оксана, разговаривали по телефону. А это – Руж.

Руж тоже встал со скамейки, церемонно поклонился даме, не выпуская бутылку из рук. Оксана, недолго думая, столь же церемонно поклонилась в ответ. Любезность – за любезность.

– А что это вдруг мы перешли на «вы»? – с улыбкой спросила девушка. – Кил? По телефону на «ты» общались...

– Ну... э-э-э... – парень почесал в затылке пивом. – Ч-черт! Прости, Ксюха, что-то я малость растерялся от неожиданности.

Не мог же он признать открытым текстом, что оба парня не предполагали увидеть перед собой *такую* Оксану Лаптеву.

ву.

— А-а-а, — понимающе склонила голову девушка, с удовлетьстворением отметив про себя: первую партию она выиграла с разгромным счетом.

Надо было только не витать в облаках, не впадать в эйфорию. До триумфа еще далеко.

— Ну что? — спросила девушка. — Нам бы поговорить надо. Где тут можно? Погуляем по парку или предпочитаете какое-нибудь кафе?

— Тут есть летняя забегаловка, чуть вперед и направо с центральной аллеи, — напомнил Руж. — Совсем недалеко. Посидим.

Кафе действительно оказалось неподалеку. Небольшие пластмассовые столики были расставлены прямо на площадке, вне павильона, и, к счастью, там не оказалось ни одной шумной компании. Лето закончилось, а с ним — и прибыльный сезон. В парке вообще было мало народа, даже на аттракционах. Только бабушки и мамы из домов, располагавшихся неподалеку. Счастливые! Они имели возможность ежедневно «выгуливать» чад на островке природы...

До того момента, как хозяин кафешки намеревался свернуть дела, судя по всему, оставалось немного дней. А пока диггеры примостились за столиком, делая вид, что с интересом изучают окрестные пейзажи. На самом деле парни украдкой рассматривали симпатичную журналистку. Оксана, достававшая из сумочки блокнот и ручку, старательно

прикидывалась, что этого не замечает.

Кил отхлебнул пиво и посмотрел на друга. Тот под столом – незаметно – поднял вверх большой палец. Все было понятно и без слов. Девчонка понравилась обоим. «Работаем!» – одними губами прошептал Руж. Журналистка стоила потраченного на нее времени. Потому что в награду «вырисовывалось» очень сладкое...

– Редакционное удостоверение показать? – спросила Оксана, лишь бы начать разговор.

– Не! – ухмыльнулся Руж. – Зачем нам удостоверение показывать? Вот если б ты нам стриптиз показала, тогда б...

Девушка хмыкнула.

– Стриптиз – в ночном клубе, – тут же парировала она. – А здесь – нельзя. Детишки вокруг бегают.

– А, так следовало тебя в ночной клуб пригласить? – прихлебывая пиво, весело спросил Руж.

– Не знаю, – кокетливо улыбнулась Оксана. – Место встречи не я назначала. А теперь поздно. Мы в парке!

Но диггер не желал так просто сдаваться, тем более какой-то там девчонке.

– Слушай, а это правда, что молодые журналистки вынуждены заниматься сексом с главным редактором? Чтоб не уволили? – спросил он, глядя прямо в глаза Оксане.

Киловольт издал странный звук, не то всхлип, не то хрюк. Начал сползать с пластикового кресла. Ему показалось – друг переступил границы разумного.

– А то ж! – не моргнув глазом, ответила девушка. Тяжело вздохнула: – Ежедневно! Прямо в рабочее время, у босса в кабинете.

– Но... как же? – растерялся парень.

– А как шеф прикажет! На столе, на стуле. Бывает, на подоконнике. Вот закроемся на ключ, а дальше – пока не выпустит.

– Слушь, Кил, по-моему, она стебется... – Руж ошалело посмотрел на друга.

Киловольт бросил взгляд на девушку, в голубых глазах которой плясали веселые чертики. Чуть повернулся к спутнику.

– Наш человек! – резюмировал парень. – Хватит ее доставать, брат! Что ты хочешь от нас, Оксана?

– О! Пошел разговор, – посерезнела девушка. – Ребята, если честно, я для начала хотела бы уяснить: почему вы плохо относитесь к журналистам? Особенно – к журналисткам. Что я не должна делать?

– Понимаешь, Ксюха, – потягивая пиво, задумчиво сказал Киловольт. – У нас есть неприятный опыт общения с вашей братией. Действительно неприятный. Врать любят – страсть! А женщины – мало того, что врут, так еще и в технике нишиша не смыслят. Как понапишут всякую хрень – мы только в осадок выпадаем.

– Про вранье... – медленно ответила девушка. Она чуть повернула голову, задумчиво провела рукой по волосам. –

Понимаете, не все так просто, как кажется. Ну, как бы мне вам объяснить... А, придумала! Вот смотрите, я сейчас прочту отрывок из статьи, которую только что написала для газеты. Не бойтесь! Совсем маленький кусочек.

Девушка резким движением головы откинула волосы, упавшие на лицо. Получилось это так изящно и естественно, что у Кила перехватило дыхание. А Оксана меж тем перелистнула блокнот. Диггеры не догадывались, что там нет ни одной записи. Журналистка «читала» им пустую страницу.

— Ежегодно Петербургский метрополитен перевозит четыреста триллионов пассажиров, — воодушевленно начала она. — Уже сейчас в нашем городе введено в строй семьдесят шесть станций, протяженность рельсовых путей превысила пять тысяч километров. Стоимость обслуживания каждого километра обходится метрополитену в два триллиона долларов в год...

Руж громко зевнул. Кил неодобрительно посмотрел на друга, и тот прикрыл рот ладонью. Скептически улыбнулся.

— Неинтересно? — с любопытством спросила журналистка.

— Понимаешь, — мягко ответил Кил. — Нам абсолютно параллельно, сколько пассажиров в год перевозит подземка. И сколько зеленых американских рублей на это нужно.

— Я все наврала! — сообщила парням Оксана. — Ни одна цифра из тех, что я вам назвала, невозможна. Вы только прикиньте! Пять тысяч километров путей — при условии, что до Москвы семьсот. Это я вам засила, что у нас под землей про-

тяженность дорог – будто семь раз в столицу съездить.

– Действительно! – удивился Руж. И с недоумением посмотрел на девушку. – Лажа какая-то!

– Я и говорю – соврала, – улыбнулась Оксана. – Дальше. Если вы вспомните, что население Санкт-Петербурга меньше десяти миллионов человек... Ну, пусть даже десять миллионов. Умножьте все население на число дней в году. Что получается? Даже если все мы вместе с гостями, пенсионерами и грудными младенцами будем ежедневно ездить в метро – это четыре триллиона пассажиров. А я вам сказала – четыреста. И потом, например, про деньги. Наврала, что эксплуатация одного километра подземных тоннелей – два триллиона долларов. Это больше, чем бюджет нашей страны в совокупности.

– Короче! – Руж с грохотом поставил на столик пустую банку. – Ты нам че? Хотела показать, что сама – умная? А мы – так, лохи из подворотни?

– Да нет, что ты! – испугалась Оксана, положила ладонь на руку парня.

Пальцы девушки были теплыми, мягкими, нежными. Чуть заметно подрагивали. Руж не стал отодвигаться.

– Я хотела другое объяснить. Вы – сторонники того, чтоб журналисты писали правду. Так? Но проблема в том, что правда иногда бывает скучной. От нее зеваешь. Ну сказала бы я в статье: сколько у нас станций, сколько стоит один километр путей, сколько перевозит наше метро? Уверена: Руж

все равно бы зевал, если б рискнул все это прочитать. А почему? Да потому, что неинтересно! И неважно, соврала я в цифрах, с потолка их взяла или реальные поставила. Понимаете?!

Парни посмотрели друг на друга, но не ответили журналистке. А та с воодушевлением продолжала:

– А вот если я вам такую заметку прочту: «Вчера на станции „Маяковская“ женщина родила ребенка. Тридцатидвухлетняя жительница Ярославля приехала в наш город в гости к родственникам. У нее начались схватки прямо на платформе. Прибывшая по экстренному вызову бригада „Скорой помощи“ принимала роды около часа. Все это время вход на станцию был закрыт, движение поездов отменено».

– Ух ты! – восхитился Кил. – Что, прямо на станции родила? И поезда из-за этого не ходили? Вообще?!

– Ага, тебе интересно! – с жаром воскликнула Оксана. – Видишь? Видишь? А я, между прочим, и тут неточности допустила. Скажем, вы обижаетесь на журналистов, что те не всегда корректно отображают события. В заметке я немногого наврала. И вот, представьте, приходит ко мне обиженный врач и говорит: «Вы ложу написали. Женщине – тридцать один год, а не тридцать два. Приехала она не из Ярославля, а из Ярославской области. И вообще, мы роды не около часа принимали, только сорок минут!»

– Так это же неважно! – возмутился Руж. – Тут ведь главное – факт! Факт! Женщина родила ребенка прямо в метро.

А ошибка в ее возрасте в год – не меняет сути. Как и то, откуда женщина в Питер приехала.

– Умница ты моя! – сказала Оксана таким ласковым грудным голосом, что Руж отвесил челюсть. – Вот ты и понял главное!

Кил завистливо посмотрел на друга. Он тоже хотел бы услышать что-то подобное от голубоглазой журналистки. Ох как хотел бы!

– А суть в том, мальчики, – продолжала гнуть свою линию Оксана. – Что есть главный факт. Он все определяет. В данном примере: в метро появился на свет новый человек! Но журналист, дабы сделать материал чуть более интересным для читателя, может и должен расписать текст. Что за новость в полстроки? Надо подробнее! И вот уже приходится дорисовывать события, даже если тебя не было на месте. А как иначе? Ну как иначе, ребята?

Девушка беспомощно посмотрела на диггеров.

– Помогите, пожалуйста, – попросила она. – Я хочу написать хороший материал о питерской подземке, но совсем ничего не знаю. Считайте меня дурой, только не говорите об этом вслух. Возьмите с собой. Покажите все, что там происходит. Расскажите, как это видите вы. Обещаю: постараюсь написать как можно честнее, правдивее. Только поймите: мне все равно необходимо будет сделать художественную обработку материала. Любого события, истории, рассказа – по-другому никак. Клянусь, я буду стараться говорить прав-

ду. Помогите... Я знаю, за день в этом всем не разобраться. Ну, хотите, неделю буду с вами лазать? Покажите все, что считаете нужным.

Руж вопросительно посмотрел на Кила. Горячая, взволнованная речь журналистки произвела впечатление на темноволосого диггера.

– У меня неделя от отпуска осталась, – сказал он. – В принципе могу взять, раз такое дело.

– Я пока в институт не собираюсь. – Киловольт подергал себя за мочку уха. – Так что я свободен.

– А чего с институтом? – удивилась девушка.

– Учиться надо в декабре, перед сессией, – назидательно сообщил Кил. – Ну, в самом крайнем случае в ноябре.

– А сентябрь? – рассмеялась Оксана.

На щеках девушки появились очень симпатичные ямочки. Киловольт вдруг поймал себя на том, что с удовольствием поцеловал бы журналистку. И даже не один раз.

– Сентябрь – время пива и девушек, – соврал он.

– А октябрь? – кокетливо спросила Оксана, бросив на него быстрый взгляд.

– Октябрь – время девушек и пива, – ответил диггер.

– Сейчас у нас сентябрь, – деловито заметила журналистка. – Значит, пиво на первом месте. Но по графику немного времени должно быть и для девушек. Я подхожу?

– Еще как! – честно признался Киловольт, но развить тему не успел.

Руж наступил ему на ногу. Прокашлялся, хлопнул ладонью по столу.

— Понимаешь, Ксюха, — очень ласково начал он. — Есть тут небольшие сложности... Видишь ли, в чем дело. Под землей — опасно. Независимо от того, куда полезем — в метро или в какие-то другие места. Техноген есть техноген. В общем, нам придется отвечать за тебя.

— Да я же взрослая! Давно уже с паспортом! — рассмеялась девушка. Тряхнула длинными волосами, посмотрела на обоих парней чуть ли не с обожанием: — Спасибо, что вы так заботитесь обо мне, ребята! Я, правда, взрослая! Вы только научите: гдеходить, как двигаться. Что можно, что нельзя. А уж обузой не стану — обещаю!

— Ты не поняла, — вкрадчиво продолжил Руж. — Нам придется отвечать за тебя в любом случае. Таков закон — лидер группы отвечает за своих людей. Если что-то случится — молва разнесет на всю страну. Нам — кранты. Мало того, что согласились взять журналистку под землю, так еще и не уследили за ней... В общем, нам с Килом придется очень внимательно присматривать за тобой. А это — нервные клетки тратить. Они, как известно, не восстанавливаются. И все такое. Понимаешь?

— Так вы гонорар хотите? — начала догадываться Оксана. — Не проблема! Не волнуйся, Руж, дорогой! Прямо сегодня же позвоню главному редактору журнала! Согласую этот вопрос.

– Зачем нам деньги? – чуть обиделся диггер. – Не надо договариваться с главным редактором. И с неглавным тоже.

– А как же? – растерялась девушка. Она подалась вперед, положила узенькие ладошки на стол. – Тогда не поняла.

– Сама выдай гонорар, – прямо сказал Руж. – Только деньги нам не нужны.

– А-а-а, – протянула девушка. «Отъехала» назад. Сгорбилась в кресле, уставилась в землю.

Она догадалась, что Руж имел в виду под гонораром.

Кил поморщился. Вдруг стало гадко от того, что они затеяли. Отрицательно помотал головой. «Пошлет!» – неслышно, губами, обозначил он. Но светловолосый диггер недооценил молодую журналистку. Оксана выпрямилась в кресле, улыбнулась совсем по-другому. Не жизнерадостно, наивно и открыто – по-детски, как это было раньше. Устало и понимающе.

– Да, за любую работу человек может требовать оплату, – тихо произнесла она. – Такую, какую считает нужной.

Парням показалось, что журналистку подменили. Теперь перед ними сидела женщина. Взрослая, опытная. Чуть прищутив глаза, она изучала собеседников.

– Знаете, сначала мне бы хотелось убедиться в том, что есть товар, за который необходимо платить, – медленно, тщательно взвешивая каждое слово, произнесла Оксана. – Еще неизвестно, какой материал мы сможем получить... Сначала – работа.

– А... – начал было Руж.

– «А» будет потом, – отрезала девушка. – Оплата – по факту. Сначала – работа.

Киловольт молчал, щеки парня горели. Он чувствовал себя моральным уродом, слушая разговор друга и журналистки.

– Хорошо, – согласился Руж и помахал ладонями над столом. – Хорошо, Оксана! Потом – значит, потом. Но ты сама согласилась. Мы тебя за язык не тянули.

Девушка бросила на дигтера короткий взгляд. Руж ничего не успел заметить, но Кил обратил внимание на то, какими ледяными стали красивые глаза Оксаны.

– Что ты хочешь узнать и увидеть? – мягко спросил Киловольт. – У тебя есть какой-то план? Метро? Секретные объекты? Подземные реки? Что тебя интересует?

– Все! – хлопнула ладонью по столу журналистка. – Я хочу увидеть все это! И метро, и подземные реки.

– За один раз мы не потянем, – задумчиво протянул Кил, глянув на яркий паровозик, проезжавший по аллее парка. – Как минимум три-четыре выхода.

– Да не, это вообще смешно! – встал на дыбы Руж. – Может, ей после первого раза надоест? Посмотрит на какую-нибудь хрень, что мы покажем, и побежит материал сдавать. Не любой мужик согласится под землей по колено в иле и воде корячиться.

– Давайте попробуем, – предложила Оксана. – Что попу-

сту тратить время на вопросы: надоест мне или нет? Сломаюсь или не сломаюсь? Это все гадание на кофейной гуще!

— Ладно, давай попробуем, — взял инициативу в свои руки Киловольт. — Завтра начнем, если ты готова.

— Готова!

— Не готова она! — с усмешкой напомнил Руж. — А снаряга?

— Точно! — спохватился Кил. — Блин, я себя веду так, будто договариваюсь о деле с человеком из нашей среды. Ксана! Бери блокнот, записывай. Начнем от печки. Правила техники безопасности и снаряжение диггера.

— За пивом, что ли, сбегать? — почесал щеку Руж. — А то, пока она все запишет, и ночь наступит...

— Я быстро пишу, ребята, — испуганно возразила Оксана. — Если надо, буду стенографировать. Ой! Чуть не забыла... У меня ж диктофон в сумочке! Кил, дорогой, можешь просто говорить. Я потом сяду за компьютер, выберу то, что необходимо для статьи. Так быстрее получится.

— Ну, я за пивом? — поднялся Руж. — Кил, тебе одну?

— Угу, — откликнулся тот.

— Может, мне баночку пепси принесешь? — попросила журналистка.

— Еще чего! — фыркнул диггер.

Оксана стерпела обиду. Лишь наклонилась к сумочке, изобразив, что ищет диктофон и не может найти. На самом деле аппарат лежал в отдельном кармашке, наготове. Девушка просто не хотела, чтобы парни видели ее лицо.

Второй диггер тоже поднялся с пластикового кресла.

– Я принесу, – положив руку на плечо журналистке, сказал Кил. – Все нормально. Готовься пока.

Он двинулся к стойке вслед за другом. Через минуту вернулся, поставил банку перед девушкой.

– Спасибо! – благодарно улыбнулась Оксана.

Журналистка выложила на столик диктофон, включила запись.

– Все, можешь говорить, – предложила она и потянулась за банкой.

– Ну... – Киловольт, которому никогда в жизни не приходилось давать настоящее интервью, малость занервничал. – С чего бы начать? Да вот, пожалуй, так! Под землей все по-другому. Шахтеры даже свой язык используют. Особый. Который с ходу и не поймешь. Мы, диггеры, конечно, не шахтеры. Но кое-какие словечки, бывает, в разговоре проскальзывают. Все сразу не упомнишь, да и не надо это, видимо. У специалистов любой профессии свой жаргон. Если под землей чего-то непонятно будет – спросишь и все тут.

Что бы интересного вспомнить?

– «Тормозок», – подсказал Руж, открывавший банки с пивом для себя и для друга.

– Точно! – улыбнулся Кил. – «Тормозок». В переводе – это просто шахтерский завтрак, а никакой не маленький тормоз, как можно было бы подумать. Многие слова из подземного жаргона напоминают наши, привычные. Но в них вло-

жен совсем другой смысл. Вот, например, «колбаса». Это герметик такой. Его упаковка по цвету и форме напоминает палку полукопченой колбасы. «Удав» – не змея какая-нибудь, а шланг для нагнетания раствора за тоннельную обделку. Ну, тут как-то угадать можно. Есть и посложнее. «Чемодан». Большой кусок отколотой породы, который надо разделить на части. А машину, с помощью которой отколотую породу собирают, – называют «хапуга».

Оксана засмеялась.

– «Сопли», – подсказал Руж.

– Да, «сопли»! – тут же взмахнул рукой Кил. – Вот эту штуку ты точно увидишь, и не один раз. Факт. «Сопли» – кабели и шланги. Они повсюду болтаются. Свисают с потолка. Ксана, запомни! Ни при каких обстоятельствах нельзя трогать руками то, чего не знаешь. То, что болтается над головой. Некоторые провода и кабели могут оказаться под током. Долбанет – никакое искусственное дыхание не поможет. Хотя мы тебе его сделаем. С радостью.

Девушка, склонившаяся к столу, к блокноту, фыркнула. Искоса посмотрела на Киловольта, лукаво улыбнулась.

– А вот еще, скажем, деревянный брус, служащий рычагом – ну, там, вагонетку на рельсах поправить, – так вот, такой брус они называют «отец-наставник». Ну, а вообще, шахтеры – в душе эротоманы, – продолжал Кил. – Всякое им там под землей мерещится...

– «Сиськи»! – хмыкнул Руж.

Киловольт засмеялся, глядя на девушку. Оксана бросила карандаш на стол, посмотрела на Ружа.

– Ну, какие еще слова есть в подземном жаргоне? – с вызовом спросила она. – Будем все части женского тела проплеть? Или как?

– Ксюха! Зря обижаешься! – Кил погладил ее по руке. – Руж не прикалывался. Действительно, есть такое слово в жаргоне. Гидроцилиндры тюбингоукладчика... Что-то такое. Они по форме похожи на женскую грудь.

Руж трясся от смеха:

– О! Какую обалденную клюху сморозил! – Девушка подвинулась ближе к столу, подперла голову ладонью. Волосы ее при этом растрепались, соскользнули на лицо. То ли случайно, то ли специально, но так, что их хозяйка не видела Ружа, сидевшего слева от нее.

– Ладно, хватит! – решил Кил. – Все равно это так... Просто, для интереса. Вдруг пригодится. Там еще столько понятий: «баран», «мальчик», «орел», «рога», «кобыла», «мазюка», «поросенок», «штаны». Я всего не помню. Запомни про «сопли». Их трогать нельзя.

– Я записала и запомнила! – деловито ответила Оксана.

– Тогда бросим ознакомление с жаргоном, перейдем к более важному. О правилах техники безопасности. Начали. Первое. Не нажираться в стельку перед выходом.

Оксана не выдержала, закрыла лицо руками. Упала на стол. Парни недоуменно посмотрели друг на друга, Руж

хлебнул пива и озадаченно почесал затылок. Девушка тряслась и всхлипывала.

– Ксюха! Ты чего? – спросил Кил. – Проблемы какие-то?

– Обязательно! – прорыдала девушка. Ей было никак не остановиться. – Вот завтра выход, да? Завтра с утра и начну нажираться!

Она опять легла на стол, затряслась.

– А! – понял Кил. – Слыши, Руж? Она, видимо, не пьет!

– Бывает же такое, – удивился темноволосый диггер.

Он с уважением посмотрел на девушку.

– Ладно, Ксюха! – продолжил Киловольт. – Мы ж не в зоопарке. Слушай дальше.

– Угу, – выдавила девушка. С трудом взяла себя в руки: – Говори, я слушаю.

Журналистка быстро вытащила из сумочки платок, аккуратно промокнула уголки глаз.

– Второе. Нельзя трогать оголенные провода, свисающие с потолка «сопли», любые детали электромеханизмов – даже если на вид все ржавое, давно брошенное. Это я уже говорил и еще не один раз повторю, дабы уберечь симпатичную даму от неприятностей.

Оксана церемонно поклонилась.

– Поехали дальше. Когда передвигаешься по тоннелю, коллектору или ходу – смотри под ноги. Если не видишь пола – не наступай. Там может быть люк, пролом. Что угодно. Особенно опасно, когда идешь по воде. Бывает, в коллекто-

рах из пола торчат – вертикально – широкие трубы. Идешь, значит, по воде. Кажется: два-три сантиметра под тобой. Попадешь в такое место – не дай бог, конечно! – ухнешь с головой. Запомни! Смотреть надо под ноги. Хотя вверх тоже нeliшне. Но на голове каска, она в случае чего поможет.

– Так мы в касках пойдем?! – удивилась девушка. – А я думала: диггеры – это такие крутые парни, которым все пофиг.

– Нет, мы пойдем в детских чепчиках! – в сердцах выпалил Руж. – По три штуки на башку навяжем – и пойдем!

– Мы крутые парни, и нам все пофиг, – подтвердил Киловольт. – Есть только одна вещь, которая нам не пофиг. Собственная жизнь. Героизм не в том, чтобы схватиться за голый провод, писать голубыми искрами и орать: «Ой, как я тащуся!»

– А искры при этом голубые? – вполне серьезно уточнила журналистка. Схватилась за карандаш. – Надо записать!

Теперь Руж лег на стол и давился от смеха.

– Слушай дальше! – как ни в чем не бывало продолжал Киловольт. – Под землей надо вести себя тихо. Повторяю: тихо! Очень тихо! Это особенно касается баб... э-э-э... дам. Некоторые обожают вцепляться когтями в спину и вопить на каждом шагу: «Мне страшно! Мне страшно!»

Оксана что-то пометила в блокноте.

– А зачем ты пишешь? – вдруг поинтересовался Руж. – Диктофон же работает.

– Там все сквозняком, – объяснила девушка. – Я реперные точки помечаю, на что акценты сделать.

– А-а-а. – Диггер посидел с открытым ртом, потом кивнул: – Въехал!

Хотя понял он ровно треть из того, что сказала журналистка.

– Значит, не шумим, – вещал Киловольт. На него вдруг снизошло вдохновение: – Ну, про дозиметр говорить не буду, ибо мы тебя не потащим в плохие зоны. Что еще? Не хватайся за все, что из потолка торчит, даже если это не «сопли». Оттуда, бывает, арматура, балки выглядывают. До черта всякого гэ! Трогать – нельзя, если не хочешь, чтоб потолок на тебя сверху лег. Это, конечно, немного попахивает эротикой, но вряд ли приведет тебя в восторг.

В общем, руки держиши при себе, не машешь ими. Не кричиши, не топаешь. Слушаешь внимательно. Чемтише идешь – тем дальше слышишь вокруг себя. Если видишь чужой свет – надо удвоить осторожность. Первой засечешь шум воды – предупреди всех и молчок! Чтоб было хорошо слышно, что происходит. Бывают случаи, надо линять со всей мочи.

– Огонь не зажигать ни при каких... – напомнил Руж.

– Да, огонь, – кивнул светловолосый диггер. – Огонь – это особая статья. Открытым огнем под землей пользоваться нельзя! Ни за что! Все зажигалки и спички оставляешь дома. Только фонарь, причем с запасными батареями. Под землей

могут скапливаться опасные газы. Зажжешь спичку – крышки люков по району будут летать, аки НЛО. А нас – поминай как звали.

– Кстати, про газы, – добавил Руж. – Если вдруг почувствовала себя плохо, такое бывает: запах какой доканал, кислорода нет – ни за что не пригибайся к полу. Там концентрация вредных веществ еще выше. Хлебнешь – можешь уже не выпрямиться. Пошла кругом голова – изо всех сил держись ровно, поднимай голову выше. В этом спасение. В крайнем случае, зови своих, чтоб дотащили до места, где подышать можно. И уж тогда не молчи, извещай спутников о своем состоянии. Чем раньше скажешь правду о каком-то недомогании, тем легче партнерам тебя спасти. Знаешь, подземка не то место, где надо геройствовать до упаду. А потом как в старом анекдоте: «Брось, комиссар! Брось! Да не меня, а радицию». Тыфу! Не смешно!

Бывает, вся группа через «не могу» идет. И никак на «чистое» место не прорваться. Если кто-то упадет – у других может не хватить сил, чтобы тебя выручить. Так вот, лучше чуть заранее подсуетиться, предупредить... Ведущий подумает, еще раз прикинет шансы: стоит ли дальше лезть, или уместнее отступить.

– Господи, я и не думала, что это так опасно, – призналась журналистка. – Трубы в полу. Электрокабели. Газ в тоннелях. Потолок, который может обвалиться в любую минуту...

– Это еще не все, – продолжал Кил. – Закрытые двери

приоткрывать аккуратно. Бывает так, что соседний коридор полностью затоплен водой. Ее держит только герметичная створка. Откроешь – затопит и тот, в котором группа.

– По гнилым доскам не ходить, – зевнул Руж. – Ну, впрочем, это и наверху нельзя. Ежу понятно, что провалятся. Двери, через которые прошли, лучше не закрывать. Если на створке, которую миновали, есть какие-то запоры, задвижки – не крутить, не нажимать ни при каких обстоятельствах! Можно случайно блокирнуть железяку. Тогда обратно уже не выйдем. Придется искать другой вариант подъема на поверхность. Если, конечно, таковой есть.

– А если нету? – прошептала Оксана.

Глаза девушки были расширены от страха и любопытства.

– Значит, будем жить там. Втроем. Ты одна, нас двое, – пожал плечами Руж. Ухмыльнулся: – Шведская семья. Устраивает?

– Очень смешно!

Диггер наклонился вперед, положил ладони на столик.

– Оксана! – внушительно сказал он. – Мы идем туда, где смерть все время бегает неподалеку. Никто не знает всех тайн подземки. Поверь, там хватает... всякого... Надо вести себя умно и аккуратно. Чтоб мы поднялись обратно, а она осталась там. Ты задала глупый вопрос. Не делай ничего такого, чтобы раздразнить ее.

– Хорошо, – прошептала девушка. – Я постараюсь...

– И последнее, наверно, – подумав, завершил Кило-

вольт. – Еще одно железное правило. Под землей не всегда будет время, чтобы что-то объяснять. Если один из группы сказал: «Валим!» – и ломанулся прочь, не стой, открыв рот. Не ищи, что его напугало. Беги что есть мочи следом. Поняла?

– Да! – кивнула журналистка.

– Теперь специфика объектов, – продолжил Киловольт. – У каждого – свои особые прибамбасы. У тебя диктофон тянет еще?

– Да-да-да, – энергично подтвердила девушка. – Не волнуйся, спасибо. Это очень хорошая машинка. Памяти надолго хватает.

– Ладно, значит, разбираем объекты. Имей в виду: потом ты должна всю беседу прослушать еще раз. Записать на бумагу главное. Заучить наизусть. Итак, объекты.

Коллекторы, дренажные системы, теплосети. В них можно спускаться и днем. Обычно там мало народу. Только монтеры, если какие-то профилактические или ремонтные работы идут. Ну, этих ребят всегда можно услышать издали. Не проблема. Тут главные опасности – электрический ток и вода. О проводах я тебе уже раз пять говорил – не трогать. Теперь, что касается воды... Это тема очень опасная. Бывает, идешь в коллекторе, вроде все путем. Нормально. А потом где-то автоматические затворы срабатывают – открывается водоспуск. И за спиной появляется офигенная волна. Не просто вода, а *волна*. В Киеве недавно был трагический

случай. Двух наших ребят по потолку размазало.

— Ужас какой! — Оксана прижала руки к щекам. — Они не успели убежать?!

— Некуда! — мрачно объяснил Руж. — Волна огромная. Идет по всему коллектору сплошной стеной. Уровень воды резко меняется. Тебя прижимает к потолку — и привет!

— И что делать? — девушка беспомощно посмотрела на помрачневших парней.

Было видно, что им нелегко говорить о гибели своих товарищей.

— Надо, когда идешь, все время смотреть по сторонам и вверх, — помолчав, объяснил Киловольт. — При движении по водяному коллектору следует обязательно фиксировать в голове пути возможного отступления. Если повезет — успеем слинуть, отсидеться выше уровня потока. Но это — наша забота. Если вообще полезем в такие опасные подземные реки.

— Полезем! — твердо сказала Оксана.

— Потом посмотрим, — резко ответил Руж.

И жестом остановил друга, который хотел что-то возразить.

— Так, про коллекторы понятно. — Киловольт не стал перечить товарищу и продолжил лекцию. — Теперь метрострой. То есть не само метро, а коридоры, где работают строители. Чаще всего лазаем туда ночью. Днем народу больше, чем на Невском. Вмиг засекут. Ночью легче, хотя бывают объекты, на которых строители в три смены пашут.

В метрострое надо опасаться троллея – провода для питания электровозов. Это такая хрень – ну, как у трамваев, да только висит гораздо ниже. Напряжение – 550 вольт. Гораздо хуже, чем если два пальца в розетку вставить. Каска, правда, спасает, но руками махать нельзя! Впрочем, я уже говорил об этом.

В метрострое много ям, куч хлама, мусора. Кучи – обходить, чтобы ногу не пропороть. Ямы – обходить, перепрыгивать. В воду попусту не лезть, можно ухнуть по колено, а то и по пояс. Такое тоже бывало. В метрострое до черта «соплей». Как с ними поступать, Оксана?

– Руками не трогать, – абсолютно серьезно ответила девушка. – Спасибо, Кил, что ты так заботишься о моем здоровье.

Оксана благодарно улыбнулась.

– Он просто не хочет переть тебя обратно на загривке, – хмыкнул Руж, барабаня пальцами по белому пластику.

– Давайте дальше, – попросила журналистка, бросив короткий взгляд на темноволосого диггера.

– Само метро, – сказал Киловольт. – Днем там больше опасностей. Во-первых, включен контактный рельс, а это 825 вольт постоянного тока. Коснешься – считай, попробовала, что такое электрический стул. Вторая главная опасность – поезда. Если топаешь по рельсам – от пассажирских составов жди беды. Даже если успеешь в сторону отскочить – есть шанс, что зацепит какой-нибудь выступающей частью.

Я слышал, как-то раз поезд был неисправен, так он подцепил контактный рельс. Тронулся и выдрал с «мясом» пятьдесят метров.

— А я считала, что днем главная опасность для диггера — милиция и пассажиры.

— Милиция — это да, — скривился Руж. — Заловят — отсидка в «обезьяннике» обеспечена. Если не откупишься. Могут и по почкам угостить. Что делают с пойманными девушками — не знаю, не интересовался. Но земля слухами полнится. А слухи те весьма и весьма неприятные, Ксан! Среди ментов всякие отморозки встречаются.

— Это моя проблема, — отбросила волосы в сторону Оксана. — Сама попадусь, сама и выкручиваться буду.

— Ну, знаешь! — возмутился Киловольт. — Нам тоже не прикольно смотреть или слушать, как они с тобой «работать» начнут. Тут недавно дикую историю рассказывали. Не знаю, правда иль нет...

Короче, на входе в метро попросили симпатичную девчонку паспорт предъявить. Все вежливо, без понтов. Проверили, извинились. Вернули документ. Она, значит, в метро вошла, на эскалатор. И там вдруг вспомнила, что в паспорт была вложена бумажка с важным телефоном. Полезла в сумочку, паспорт вынула... А внутри него — маленький пакетик лежит. С каким-то белым порошком. Девчонка ошигела. Пакетик тут же бросила на ступени... Доехала, значит, до станции. В смысле до платформы. А там ее уже встречают. Опять

же – очень вежливо, культурно: отдел борьбы с наркотиками, предъявите вашу сумочку, пожалуйста.

– Да! – сжал кулаки Руж. Лицо его побелело. – Ходят слухи, оборотни в погонах таким способом разводят девчонок на секс. Пока жертва оғигевает, ей уже дело формируют. Свидетели, конечно, моментально находятся рядом, при изъятии наркоты. А дальше – либо откупайся, как прикажут, либо прощай, молодость.

– В общем, Ксан, – закончил Киловольт, – мы будем много думать, прежде чем втягивать тебя в какую-нибудь авантюру. Ты молодая, симпатичная. Сама понимаешь… Уж если докапываются до тех, кто тихо и мирно в метро едет, – что говорить о нашем случае?

– Это моя проблема! – упрямо повторила девушка. – А пассажиры?

– Пассажиры у нас пофигисты, – махнул рукой Киловольт. – Мы как-то раз прямо днем, на виду у всех, полезли со станции на следующий этаж. Видела в полу люки? Так вот, там, ниже, еще помещения. Сервисные. Мы люк открыли – и туда. Хоть бы кто заорал, тревогу поднял.

– Расскажете потом? – попросила девушка.

– За отдельную плату, – ухмыльнулся Руж.

– А ночью в метро другие опасности, – быстро перебил его Киловольт, дабы не допустить нового витка конфронтации. – Контактный рельс отключен, пассажирские поезда не ходят. Бегают мотовозы, причем хрен поймешь, почему они то по

одному пути идут, то по другому. Но все равно проще. Поэтому диггеры в метро ночью лазают. Правда, если заметят и свинят – бесполезно хныкать: «Дяденька, отпусти, я тут случайно... мобильник уронил». Ночью такие темы не проектируют. Сразу – менты и «обезьянник».

Киловольт помолчал, размышляя, все ли важное отметил в рассказе.

– Руж, – обратился он за подмогой. – Как? Что еще?

– Броде с правилами поведения – нормал. – Второй диггер уже давно покончил с пивом и теперь сидел, подперев щеку рукой. Он смотрел на девушку, которая, склонившись над блокнотом, что-то торопливо писала. Длинные светлые волосы то и дело падали на лицо журналистки, но Оксана лишь встряхивала головой. – Нормал. Про снарягу давай. И хватит на сегодня.

– Снаряжение, – Киловольт почесал затылок. – Так, Оксана, у тебя дома фонарь есть водонепроницаемый?

– Не знаю, – растерялась девушка. – Фонарь есть. А как определить: подходит он или нет?

– В ванну его брось, – хмыкнул Руж. – Если погаснет – значит, сдох.

– Лучше я куплю, прямо сейчас. – Оксана сделала еще одну пометку в блокноте. – А как спросить в магазине, чтоб нужный дали?

– Требуется фонарь, который имеет влагонепроницаемый корпус, – объяснил Киловольт. – Тогда он у тебя под землей

не погаснет. Желательно, чтоб этот фонарь плавал, если его в таз или ванну бросишь. Проверь. Ну, чтоб не тонул и светил. К нему – бери комплект запасных батареек. Бери также второй фонарь, из дома. Запаску. На всякий случай.

Теперь – обувь. Желательно резиновые сапоги, повыше. Подошвы – толстые. Чтоб, если на какую-нибудь острую хрень наступишь, подошва крякнулась, а не нога. Мобильник тоже с собой бери. Как ни странно, в некоторых местах под землей он работает. Правда, мало где. Зато на поверхности может пригодиться – если помочь вызывать потребуется. Завтра в твою адресную книгу телефоны МЧС и наших парней забьем. Вдруг чего? Мы тоже люди, все что угодно может произойти. А так – хоть будет кого на помочь свистнуть. Дальше: одежда. В первый раз мы ни в какие серьезные дыры не полезем – да, Руж?

Темноволосый диггер кивнул.

– Устроим что-то вроде боевого крещения, покажем вентиляционную шахту. Значит, надеваешь на себя обычную одежду – джинсы, куртку. С собой берешь рабочую: свитер, старые джинсы, которые пачкать не жалко... Куртку прорезиненную. Перчатки. Можно обычные, хлопчатобумажные. Их везде – до кучи. Купи, если нет. Дорогие не надо. Все равно за один выход в такую грязь превратятся, что выкинешь. Бери дешевые, но две-три пары. Каску не надо, я для тебя возьму – есть запасная. Нож не тащи. Кухонный не подойдет, а в других ты все равно ни черта не смыслишь, уж

извини за прямоту. Так, что еще? Да все вроде! Сменную, рабочую одежду прячешь в рюкзак, на месте переоденемся. Чистую уберешь в хороший полиэтиленовый пакет, потом в рюкзак – и на спину.

– А мы на месте раздеваться будем? – удивленно спросила Оксана.

– Именно так, сонцэ! – обрадовался Руж. – Представляешь, тебе придется показывать стриптиз. Без ночного клуба.

Киловольт подумал, что жизнь друга в опасности. Девушка чуть не зарядила в него пластиковым стулом. Да вовремя сдержалась: вспомнила, каких трудов стоило уговорить диггеров на выход. Оксана лишь странно улыбнулась.

– Я все поняла, – сказала она. – Какие еще будут инструкции?

Парни переглянулись.

– Да все вроде, – пожал плечами Киловольт. – Вечером позвоню. Сговоримся о времени выхода.

– Как все?! А оплата? – барабаня пальцами по столу, поинтересовался Руж.

Девушка медленно встала с места. Наклонилась вперед, уперлась ладошками в белый пластик.

– Что, мы уже поработали? – с улыбкой спросила она. – Куда-то сходили, да?

– Ну, тогда задаток, – цинично заявил Руж. – Поцеловать нас обоих.

– Руж! – в сердцах выпалил Киловольт.

– А что? – хмыкнул тот. – Задаток!

– Ладно, – вдруг уступила Оксана. – Только... группенсекс – не мое хобби. А задаток – есть задаток. Его получит тот, кто работал. Потратил кучу сил и времени, объясняя мне про технику безопасности. Ну и про снаряжение.

Журналистка быстро шагнула к Киловольту, обвила его шею руками. Руж недовольно скривился. Поцелуй у парочки получился очень долгим. Темноволосый диггер, оставшийся не у дел, подождал минуту, а потом ему надоело.

– Эй! – напомнил он. – Не слишком ли круто для первого раза? Вы еще на травку прилягте!

Оксана подхватила сумочку. Послала обоим диггерам воздушный поцелуй и быстро пошла к выходу из парка, эффектно покачивая бедрами. Киловольт неотрывно смотрел вслед.

– Позвони вечером, Кил! – крикнула девушка. – Время скажешь!

– Опять все этому стервецу... – завистливо пробормотал Руж и покосился на друга.

Но тот не слышал.

– Ничего коза, – промолвил Руж. – Смотри, в кроссовках, а ноги-то! Если на каблуки поставить да мини-юбку надеть – ваше абалдеть! Суперсекси!

Киловольт не ответил. Руж еще раз посмотрел на друга. Тот словно впал в транс. В глазах отражалась девушка, которая выходила из парка. Руж толкнул приятеля в плечо.

— Эй! — сказал он. И помахал ладонью перед лицом Кила. — Говорю: длинноногая коза. Симпотная. Реально!

Киловольт кивнул в знак согласия.

— Смотрио, запал ты на нее, — криво ухмыляясь, сделал вывод Руж.

— Я?! Да ты что?! — возмутился Кил.

— Запал! — похлопал его по спине приятель. — Реально запал. Не лечи меня! Я ж вижу. Лучше, чем доктор Рентген. Но девка того стоит. Эх, жаль, мне теперь ничего не обломится.

— Это почему? — прошептал Киловольт.

Руж встал напротив друга, положил ему руку на плечо.

— Потому что не могу я дорогу перебегать, — медленно и четко произнес он. — Не могу и не хочу. Ты ей понравился, она — тебе. Ладно уж, поработаю так... без оплаты. Для френда. Пошли, счастливчик. С тебя пиво!

— Ага, вот и контактный рельс отключили, — удовлетворенно заметил Николай Евграфович Ширко.

Старый мастер, кряхтя, поднялся с места. Толкнул напарника.

— Вставай, Павлуха! В тоннель пора!

— А мотовоз? — сонно пробормотал Павел Юдин.

Перед этим он сладко закемарил в ожидании сигнала. Теперь не хотелось двигаться с места.

— Вставай, оболтус! — еще раз толкнул его Ширко. — Какой тебе мотовоз? Нам пешком топать! Тут чуть более полукилометра до нужной точки.

– Чтоб их всех, эти кабеля! – выругался Павлуха.

Он спустился с платформы вслед за старым мастером, включил фонарь. Двинулся в тоннель, с любопытством осматриваясь по сторонам. Юдин работал на другом перегоне, сюда его перебросили из-за отпусков. Павел, несмотря на молодость, считался неплохим диагностом – умел за короткий период времени найти обрыв, неисправность в кабеле. А это как раз и требовалось.

Одна из коммерческих компаний, чьи коммуникации проходили по тоннелю, была недовольна качеством передачи сигнала. Требовалось срочно проверить: все ли в порядке с магистралями. Прозвонить контрольные точки – на одном перегоне, на другом, на третьем.

Юдин топал вслед за Николаем Евграфовичем, который брел по тоннелю, не глядя по сторонам. Старику до пенсии оставалось совсем немного. Видимо, его мало что волновало. «Хотя, – подумал Павел. – Сейчас ветеранам дают такую пенсию, что... либо ноги протягивай, либо дальше лямку тянни».

– Николай Евграфыч! – позвал он. Молчать не хотелось, тянуло поговорить: – Долго ты на этом перегоне работаешь?

– Да, почитай, всю жизнь, – ответил старый мастер. – То здесь, то там. Вот, как пришел после техникума, тут, значит, и воюю.

– С кем? – улыбнулся Павел.

– Да со всеми, – отозвался Ширко. – С водой. С кабелями.

С начальством. С чертями подземельными.

– А что, есть? – от души рассмеялся молодой рабочий.

– Есть! – абсолютно серьезно ответил мастер. – И, не дай бог, тебе их увидеть...

За разговором до нужного места добрались быстро. Николай Евграфович наладил освещение, чтобы Павлу было легче работать. Юдин вытащил из заплечного мешка тестовое оборудование. Стал прозванивать кабель, подавая какие-то команды оператору, формировавшему контроль-сигналы на другом конце провода. Ширко стоял рядом, с интересом наблюдая за работой молодого коллеги.

– Здесь порядок! – через пять минут кивнул Юдин. – Все в пределах допустимого. Можно топать дальше.

Они прошагали еще полкилометра, и все повторилось сначала. Старый мастер, наладив свет, смотрел, как Павел Юдин одну за другой исследует пары тонкого провода.

И снова порядок. Вздох разочарования. Шаг. Другой. Третий... Длинный тоннель, зайчики от фонарей, пляшущие на стенах...

– Плохо! – вдруг сказал Юдин. – Похоже, паразитные на-водки на этом участке. Слушай!

Он включил звуковой тон на приборе, попеременно подключился к нескольким парам, давая Николаю Евграфовичу возможность услышать разницу.

– На слух – есть что-то! – согласился Ширко. – Сможем разобраться, где?

– Легко! – улыбнулся Юдин, вынимая из сумки другой прибор.

– Это чего за хреновина? – удивился старый мастер. – Я такой никогда и не видел.

– Сканер, – ответил Юдин.

Вставив в ухо маленький динамик, он медленно пошел вдоль кабельной трассы. Обратно, к предыдущей контрольной точке. Ширко постоял на месте, глядя на напарника. Побрел следом за ним. «Раньше все было проще, – подумалось старому мастеру. – Провода – толстенные. На муфтах. Теперь – тонкие хлипкие жилочки. И ладно бы, новомодная оптика. С ней проблем меньше, пробросили и забыли. Работает как часы. Так некоторые умники ухитряются еще и... как ее... витую пару... в метро пропихнуть. Толку с нее – как с козла молока. Одни убытки. Надежности – ноль. Тестовое оборудование – такое, что в жизнь не научишься с ним работать».

– Есть! – обрадовался Юдин. – Вот оно!

Он присел на корточки возле стены, колдуя над проводом.

– Слушай, Павлуха, – спросил Ширко. – А чего они, бизнесмены хреновы, оптическое волокно не проложили, а?

– Так дорого! – вздохнул Юдин. – Очень дорого, Николай Евграфович. Только крупные операторы могут себе это позволить.

– А мелкие – витую пару? – решил блеснуть эрудицией Ширко.

– Не, не витую пару, – поправил молодой рабочий. – Медную пару.

– А разница? – не понял старик. – Одно и то же, по-моему.

– Не совсем. Витая пара – это компьютерные сети внутри офисных зданий. Там расстояния совсем небольшие. Ну, сотня метров, допустим. Медная пара – для соединения двух кабельных модемов, что на концах линии стоят. С их помощью можно в единое целое связать две компьютерные сетки, находящиеся в разных районах города.

– А зачем? Кому это надо? – все равно не понял старый мастер.

– Ну, представь. В одном районе города – офис. Где-то в центре. В другом районе – скажем, на окраине, – склад. Выгодно? Да! На краю города аренда склада дешевле обходится. И грузовым автомашинам подъехать проще, нет пробок. Но надо, чтобы учет товара велся и в одном месте, и в другом. Причем в реальном времени. На складе товар отгрузили, заполнили документы. А все списалось с баланса компании. Из базы, которая в главном офисе находится. Вот и вяжут сетки, как получается. Два кабельных модема запросто могут сделать прозрачным для сети расстояние в три километра. И больше могут, только скорость адаптивно меняется. Вниз.

– Умный ты, – вздохнул старый мастер. – А я вот отставать начал. Скоро никому не нужен буду...

– Бросьте, Николай Евграфович! – махнул рукой Павел. Пытаясь поддержать старого мастера, он даже перешел на

«вы»: – Вы лучше всех подземку знаете. Как никто другой.

– Как никто другой, – эхом повторил Ширко. – Ну, готов? Пошли, что ли?

Рабочие двинулись в обратный путь, но теперь Павел Юдин уже не следил за кабелями. Вовсю глазел по сторонам.

– Интересно тут, – признался он. – Легендарное место. До размыва – рукой подать...

– Размыв дальше, – тут же ответил Николай Евграфович. – Дальше и в стороне.

– Ой, а это что за тоннель? – молодой рабочий остановился напротив бокового ответвления, в котором царила полная темнота.

– Заброшен! – махнул рукой старый мастер. – Ничего там нет, только кучи мусора. Пошли дальше.

– Я загляну на минутку, а? Интересно!

«Эх, молодежь, – подумал Николай Евграфович, присаживаясь на рельс и растирая больное колено. – Все-то им неймется. Интересно...»

Лучик света от фонаря Юдина плыл над полом. Все дальше, дальше. Ширко усмехнулся. Так и уйдет парень, с концами. В подземную реку, которая многим людям стала могилой. Только свои о том знают, да никому не расскажут...

И вдруг луч дернулся! Метнулся вверх, заплясал по стенам. Потом сноп света ударил в глаза старому мастеру. Тот вскочил с места, забыв про боль в суставах.

– Павлуха! – громко крикнул Ширко. – Ты как?!

Молодой рабочий выскочил из бокового штрека, его глаза были расширены от ужаса.

– Там!!! – он задыхался. – Там...

Парень вдруг схватился за горло. В свете фонаря его лицоказалось мраморно-белым.

Но Николай Евграфович и сам уже понял, в чем было дело. По заброшенному тоннелю, медленно, неспешно, к ним приближались всадники. Рыцари на белых лошадях.

– Отвернись к стене! – приказал Ширко. – Отвернись к стене! Не смотри на них! Павел! Не смотри! *Не смотри!*

Он сам тут же повернулся к боковине тоннеля, увешанной кабелями. Быстро перекрестился. Раз. И еще раз. Павлуха, хоть и слышал, что сказал ему Ширко, лишь сделал несколько шагов назад. Оступился и, потеряв равновесие, прижался спиной к стене. Николай Евграфович слышал его судорожное, прерывистое дыхание...

Негромко цокали копыта. Рыцари в блестящих латах выехали из бокового прохода, никуда не торопясь, проследовали мимо замерших рабочих. Один, второй. Потом еще двое. Еще... Всадники двигались в сторону «Лесной». Вскоре цокот копыт затих вдали, за поворотом.

– Евграфыч... – руки и губы молодого рабочего тряслись. – Что это было?!

– Где? – угрюмо спросил старик.

Повернувшись к напарнику, Ширко отряхивал рабочий комбинезон.

– Ну... кони... всадники в доспехах... Что это, Евграфыч?
– Привиделось тебе! – отрезал Николай Евграфович. –
Пошли отсюда! Пошли, балбес!

Ходили слухи: увидеть всадников – очень плохая примета. За все годы работы в метро Ширко ни разу их не встречал. Не было возможности проверить то, что мольва передавала только шепотом. А теперь вот, за полгода до пенсии, встретил. Здрасьте – приехали!

От Ружа не укрылось, что на место встречи Кил и журналистка приехали вместе, чуть ли не взявшись за руки. Темноволосый диггер промолчал, решил до поры до времени воздержаться от комментариев по этому поводу. Поставил банку пива на бетонное ограждение канала, пожал руку Киловольта. А затем церемонно поклонился девушке, на что Оксана незамедлительно ответила таким же официальным поклоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.